

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

Смоляков Е. В.
Сапронов Ю. В.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ЗДОРОВЬЕ,
ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ**

Монография

Ставрополь
2016

ББК 67.408.144
УДК 443.3/7
С51

Одобрено редакционно-издательским
советом Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Рецензенты:

Ю. Г. Плющ – начальник штаба ГУ МВД России по Ставропольскому краю, полковник внутренней службы;

К. А. Бородин – начальник ОРЧ СБ ГУ МВД России по Ставропольскому краю, полковник полиции;

К. В. Вишневецкий – начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции.

Смоляков Е. В., Сапронов Ю. В.

С51 Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти : монография. – Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2016. – 172 с.
ISBN 978-5-9266-1060-1

В монографии определена социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти, дана уголовно-правовая характеристика представителя власти, его здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства. Исследованы объективные и субъективные признаки применения насилия в отношении представителя власти и оскорбления представителя власти. Рассмотрены проблемы совершенствования мер уголовно-правового противодействия посягательствам на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.

Для научных работников, преподавателей, докторантов, аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей юридических вузов, практических работников правоохранительных органов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами борьбы с преступностью.

ББК 67.408.144
УДК 443.3/7

ISBN 978-5-9266-1060-1

© Смоляков Е.В., Сапронов Ю.В., 2016
© СФ КрУ МВД России, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. Социально-правовая характеристика посягательства на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.....	9
1.1. Социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти.....	9
1.2. Уголовно-правовая характеристика представителя власти, его здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства.....	23
Глава II. Уголовно-правовая характеристика посягательства на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.....	47
2.1. Объективные и субъективные признаки применения насилия в отношении представителя власти.....	47
2.2. Объективные и субъективные признаки оскорбления представителя власти.....	87
Глава III. Проблемы совершенствования мер уголовно-правового противодействия посягательствам на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.....	103
3.1. Проблемы квалификации и законодательного совершенствования составов преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.....	103

3.2. Проблемы пенализации и уголовной ответственности за преступления, связанные с посягательством на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	148
ПРИЛОЖЕНИЕ	166

ВВЕДЕНИЕ

В условиях проводимой в Российской Федерации административной реформы, реализации государственной политики по укреплению «вертикали власти» вопросы обеспечения деятельности представителей власти на современном этапе развития российского общества приобретают особую значимость.

Очевидной является необходимость в совершенствовании системы мер, направленных на повышение качества работы органов государственной власти, основной целью функционирования которых является представление интересов всего российского народа, как единого целого.

При этом комплексный подход к вопросу об эффективности исполнения органами государственной власти своих полномочий предполагает претворение в жизнь совокупности мероприятий правового, организационного и социального характера по поддержанию оптимального статуса лиц, наделенных государственно-властными полномочиями.

В связи с этим первостепенная роль отводится правовому статусу представителей власти, поскольку вследствие возложения законом на лицо круга определенных обязанностей, их успешное выполнение возможно при условии обеспечения лица соответствующими нормативно закрепленными гарантиями его неприкосновенности.

Ввиду того что сущность государственной власти подразумевает повелевание в отношении подданных страны, представитель власти облекается в «форму» распорядителя. Вместе с тем такая организационно-правовая роль носителя государственно-властных полномочий непременно сталкивается с конфликтом интересов механизма всего государства и его отдельных граждан.

По этой причине представитель власти нуждается в особой правовой охране, при этом, безусловно, во главу угла становится охрана наиболее ценных благ человека, которая осуществляется, в том числе, уголовно-правовыми средствами. Среди таких благ, наряду с жизнью человека, в отдельную группу выделяются здоровье, личная неприкосновенность, честь и достоинство личности.

Следует подчеркнуть, что при определении особой уголовно-правовой охраны здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти (ст. 318 УК РФ, 319 УК РФ) закон устанавливает запрет не столько на нарушение общественных отношений, обеспечивающих здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство личности, сколько на недопустимость посягательства на указанные блага, носителями которых выступают представители власти.

Несмотря на то, что существование уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против здоровья, чести и достоинства представителя власти в российском уголовном законодательстве имеет длительную историю, в теории уголовного права и правоприменительной практике открытым остается ряд проблемных аспектов, касающихся не только квалификации преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, которые нередко становятся предметом рассмотрения Верховного Суда РФ, но и проблемы реализации уголовной ответственности за данные общественно опасные деяния.

Результаты исследования статистических данных за период с 2006 г. по 2015 г. позволяют говорить об относительной стабильности в динамике исследуемых преступлений, которая представлена данными, отражающими незначительные колебания уровневых значений относительно того или иного временного интервала.

Так, в 2015 году удельный вес количества преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, от общего количества зарегистрированных в России преступлений составил около 0,3 %, аналогичный показатель по преступлению, закрепленному ст. 319 УК РФ, – около 0,5 %. Кроме того, наблюдавшийся в 2012 и 2014 годах прирост (+12% и более) количества зарегистрированных фактов применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ)¹ обуславливает необходимость совершенствования мер уголовно-правового

¹ По данным ГИАЦ МВД России. <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>. (дата обращения: 15.04.2015).

противодействия изучаемым общественно опасным деяниям в целях стабилизации ситуации.

В то же время в доктрине уголовного права ведутся дискуссии об определении дефиниции «представитель власти», законодательное закрепление которого, данное в примечании к ст. 318 УК РФ, подвергается справедливой критике. Не выработано единого понимания ряда других признаков данных преступлений (насилие, угроза, оскорбление), что негативно отражается на правоприменительной практике и в целом на эффективности противодействия посягательствам на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителей власти.

Недостаточная изученность и разработанность теоретических и практических проблем уголовной ответственности за посягательство на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти, практика применения и дальнейшее совершенствование уголовного законодательства определяют актуальность данной монографии, как в научном, так и в практическом аспектах.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что проведенное монографическое исследование позволит приблизиться к решению ряда теоретических и практически значимых вопросов уголовно-правового противодействия преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти.

Теоретические положения, выводы и рекомендации, в частности уголовно-правовая характеристика применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ), особенности квалификации, совершенствование норм, предусматривающих ответственность за посягательство на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти, могут быть использованы:

- в практической деятельности суда и сотрудников правоохранительных структур;
- в законотворческом процессе;
- при подготовке научно-практических рекомендаций по проблемам квалификации преступлений против порядка управления;

- в процессе изучения дисциплины «Уголовное право» в юридических вузах и на юридических факультетах высших учебных заведений России;
- в ходе служебной подготовки и в процессе повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и т.д.

Глава I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЗДОРОВЬЕ, ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ, ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

1.1. Социально-правовая обусловленность уголовно- правовой охраны здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти

Известно, что российское общество в последнее десятилетие подвержено интенсивному развитию, реформируются многие сферы жизнедеятельности. Модернизационные процессы обуславливают особую роль в регулировании происходящих социально-политических преобразований, законодательства, соответствующего сложившимся реалиям определенного периода. Установление такого соответствия должно базироваться на результатах социально-правовых исследований¹.

Несмотря на то, что уголовное право в отличие от многих других отраслей права, в частности гражданско-правовой направленности, более статично, значимость социально-правовых исследований вопросов обусловленности криминализации конкретных уголовно-правовых запретов несколько не уступает ценности изучения социальной обусловленности норм других отраслей права. Это определено, прежде всего, тем, что задачами российского уголовного законодательства являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества (ч. 1 ст. 2 УК РФ), то есть нормы уголовного законодательства охраняют наиболее важные общественные отношения от преступных посягательств. Достижение обозначенных задач осуществляется путем установления оснований и принципов уголовной ответственности, определения деяний, опасных для личности, общества или государства, в каче-

¹ Голик Ю. Очередная модернизация уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. №2. С. 19.

стве преступлений, регламентации видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Очевидно, что «центральное место в выражении государственной уголовной политики занимает уголовный закон»¹, эффективность которого напрямую зависит от его социальной обусловленности, влияющей, в свою очередь, на степень эффективности уголовной политики, как одной из составляющих государственной политики РФ в целом. Как справедливо отмечает ряд авторов, «законодатель должен осуществлять постоянный контроль над реализацией уголовно-правовых норм, вносить необходимые изменения и дополнения в действующее законодательство, чтобы оно отвечало реалиям жизни»².

Вышеизложенное позволяет говорить об актуальности исследования социально-правовой обусловленности рассматриваемых нами преступлений против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти.

Следует отметить, что уголовно-правовую охрану деятельности представителей власти, без сомнений, можно признать сложившейся исторической традицией, поскольку «уголовно-правовой запрет совершения посягательств в отношении уполномоченных лиц государственных органов стабильно присутствует на всех этапах развития отечественного уголовного права»³. Данный факт, безусловно, существенным образом влияет на социально-правовую обусловленность преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, поскольку традиционность уголовно-правового запрета прочно укореняет в правосознании необходимость уголовно-правового противодействия определенному деянию.

¹ Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд., перераб. М. : АО «Центр Юр-ИнфоР», 2004. С. 91.

² Сулейманов Т.А., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д. Механизм и формы реализации норм уголовного права: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2007. С. 147.

³ Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 48. См. подробно об истории развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на представителей власти с. 10–48.

В то же время, длительное существование уголовно-правового запрета, еще не дает оснований для вывода о его обусловленности. Обязательному учету подлежат разработанные теорией уголовного права критерии криминализации деяний, к числу которых обычно относят следующие условия:

1) криминализируемое деяние должно быть общественно опасным;

2) оно должно иметь достаточную степень распространенности;

3) ожидаемые положительные последствия криминализации должны превышать ее отрицательные последствия;

4) криминализация не должна противоречить Конституции РФ, действующему праву и международным соглашениям РФ;

5) она не должна противоречить нормам нравственности;

6) криминализация должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах (т.е. запрещенное деяние будет возможно раскрыть и расследовать законными правовыми средствами);

7) криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер¹.

С целью решения вопроса о социально-правовой обусловленности уголовно-правовой охраны здоровья, чести и достоинства представителей власти проведен анализ перечисленных критериев применительно к исследуемым преступлениям.

Общепризнанно, что в основе криминализации деяния лежит его общественная опасность², которая зависит от характера и степени общественной опасности деяния и выступает критерием для категоризации преступлений (ч. 1 ст. 15 УК РФ). Законодатель отнес преступления, предусмотренные ст. 318, 319 УК РФ, к различным категориям тяжести. Так, применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с

¹ Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 22.

² Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 58.

исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ) является преступлением средней тяжести, а применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении указанных лиц (ч. 2 ст. 318 УК РФ) представляет собой тяжкое преступление; оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) законодатель относит к преступлениям небольшой тяжести.

Вместе с тем задача предпринятого исследования состоит не в констатации факта отнесения названных преступлений к той или иной категории тяжести, а в установлении обоснованности криминализации применения насилия в отношении представителя власти и его оскорбления.

Отправной точкой в решении обозначенного вопроса является категория «общественная опасность», которая, по справедливому замечанию Ю.И. Ляпунова, носит в уголовном праве универсальный характер¹.

Данная категория неоднократно упоминается в уголовном законе: в определении понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ); в формулировке невменяемости (ч. 1 ст. 21 УК РФ); в характеристиках форм и видов вины (ст. 25, 26 УК РФ) и т.д.² Однако в самом уголовном законе понятие «общественная опасность» не раскрывается, в связи с чем в целях уяснения названной категории следует обратиться к соответствующим доктринальным разработкам.

По мнению А.И. Марцева, «общественную опасность можно определить, как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения: нарушение безопасности жизненно важных интересов человека, общества и государства»³.

А.В. Наумов утверждает, что «общественная опасность – это способность предусмотренного уголовным законом деяния причи-

¹ Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учебное пособие. М.: ВЮЗИ МВД СССР, 1989. С. 3–20.

² Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 266–268.

³ Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 6.

нять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)»¹. Практически аналогично рассуждает и Б.В. Яценко, который считает, что общественная опасность «означает способность поступка человека, признаваемого преступлением, причинять существенный вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям»². Подобной точки зрения придерживается и И.Г. Соломоненко: «общественная опасность – это свойство деяния причинить или создать реальную угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам»³.

При этом общественная опасность применительно к конкретным преступлениям является не каким-то абстрактным понятием, а представляет собой объективное свойство определенного деяния, которое отражает его социально-юридическую сущность.

Характер и степень общественной опасности каждого преступления индивидуальны, не образуют исключения и преступления, регламентированные ст. 318 и 319 УК РФ. В юридической литературе по вопросам общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ) высказываются различные соображения. Так, по мнению А.Г. Брагиной, - «...при совершении такого преступления, как оскорбление представителя власти, происходит разрушение сложившихся стереотипов и интересов в обществе, находящихся под охраной уголовного закона, а преступная деятельность наглядно демонстрирует негативную направленность виновного лица, его пренебрежение к охраняемым общественным отношениям, возникающим по поводу обеспечения и охраны порядка управления»⁴. Все это в итоге, по мнению автора, - «...приводит к игнорированию деятельности представителей государственной власти и разрушению социально-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Наумов. М. : Юристъ, 1996. С. 65.

² Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 52.

³ Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М. : Илекса, 2007. С. 53.

⁴ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2006. С. 37.

полезных связей – гаранта управленческой деятельности представителя власти и реализации своих профессиональных обязанностей в обществе»¹.

Не в меньшей мере сказанное, на наш взгляд, можно отнести и к такому преступлению, как применение насилия в отношении представителя власти. В то же время факт игнорирования деятельности представителей власти посредством совершения преступлений, предусмотренных ст. 318, 319 УК РФ, – это лишь одна из составляющих в комплексной характеристике общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти и его оскорбления. Вместе с тем игнорирование деятельности представителей власти, а отсюда и нарушение соответствующих социально полезных связей, присущи не только исследуемым преступлениям, но и некоторым административным правонарушениям. К таковым относится неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы (ст. 19.3 КоАП РФ).

А.Ю. Кизилев отмечает, что рассматриваемые деяния, как и некоторые другие преступления против порядка управления, посягают на исключительно значимые для общества виды государственной деятельности, в результате чего снижается качество государственно-властной деятельности. «Это, в свою очередь, – указывает автор, – сказывается на эффективности выполнения государством своих общественных функций и, в конечном итоге, может привести к подрыву его авторитета»². Более того, противодействие представителям власти является крайне отрицательным

¹ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2006. С. 39.

² Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 31.

явлением, направленным на дезорганизацию государственного управления и снижение уровня защищенности прав граждан¹.

Однако, по нашему мнению, особой теоретической ценностью обладают следующие тезисы об общественной опасности исследуемых преступлений. Так, М.Х. Сулайманов верно указывает, что совершение данных преступлений препятствует нормальной деятельности органов государственной власти, может причинить ущерб их авторитету и престижу, препятствует представителям власти при принятии ими необходимых мер для пресечения правонарушений и задержания виновных, наконец, причиняет вред здоровью и достоинству этих лиц либо создает угрозу непосредственного причинения им вреда. Одновременно (и немаловажно) для этих преступлений характерно то, что они в большинстве случаев совершаются не сами по себе, а выступают как продолжение других правонарушений: хулиганства, посягательств на личность, собственность и т.д.²

Действительно, применение насилия в отношении представителя власти и его оскорбление, как правило, связаны с фактом совершения виновным других, преимущественно общеуголовных преступлений либо административных правонарушений. По мнению В.М. Мамакиной, общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, увеличивается за счет их взаимосвязи с иными правонарушениями³.

Не менее интересной позиции придерживается Е.Л. Таможник, утверждающий, что общественная опасность рассматриваемых деяний «определяется двумя моментами. Во-первых, данные преступления посягают на законную деятельность представителей власти, что препятствует охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Связь между законной деятельностью представителей власти и состоянием обществен-

¹ Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 4.

² Сулайманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 26–27.

³ Мамакина В.М. Уголовно-правовая регламентация ответственности за унижение чести и достоинства представителя судебной власти // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2 (73). Тольятти: ВУиТ, 2010. С. 21–24.

ного порядка и общественной безопасности обуславливает повышенную общественную опасность этих преступных посягательств. Рассматриваемые преступления отрицательно сказываются на пресечении правонарушений и их предупреждении. Во-вторых, преступления против деятельности представителей власти посягают на их личность»¹. Идею Е.Л. Таможника о связи исследуемых преступлений с преступлениями (правонарушениями) им предшествующими развивает И.Е. Сулейманова и, как видно, акцентирует внимание еще и на том, что повышенная общественная опасность преступлений против законной управленческой деятельности представителей власти предопределена их отрицательным влиянием на предупреждение правонарушений².

Таким образом, применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) характеризуются достаточной для криминализации общественной опасностью, которая обусловлена, прежде всего, тем, что данные преступления:

1) подрывают авторитет государственной власти, ее статус в общественных отношениях, что снижает эффективность функционирования государственной власти, в том числе эффективность предупреждения различных правонарушений;

2) посягают на личность представителя власти (конкретного человека, выступающего носителем государственной власти), его здоровье, честь или достоинство;

3) взаимосвязаны с общеуголовными преступлениями или иными правонарушениями, которые, как правило, предшествуют фактам применения насилия в отношении представителя власти или его оскорбления.

Переходя к анализу современного состояния преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, следует отметить известную корреляционную зависимость общественной опасности дея-

¹ Таможник Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 21.

² Сулейманова И.Е. Особенности квалификации оскорбления представителя власти // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа : Изд-во Уфим. юрид. ин-та МВД России, 2014. № 2 (64). С. 29–33.

ний и их распространенности. Известно, что если количество совершаемых общественно опасных деяний превосходит определенный рубеж, то появляется высокая вероятность одновременного изменения и качественной характеристики такого деяния. Иными словами, существует предел распространенности, превышая который, деяние перестает рассматриваться как общественно опасное. Существует и обратная связь – полное отсутствие или единичные факты совершения определенных деяний в некоторых случаях могут поставить под сомнение целесообразность противодействия им уголовно-правовыми средствами.

Обращение к данным официальной статистики¹ (таблица 1) позволяет сформировать определенное представление о степени распространенности конкретных преступлений.

Таблица 1.

**Количество преступлений, совершенных
по ст. 318 и ст. 319 УК РФ за период с 2006 по 2014 г.**

Статья УК РФ	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
318	10915	9335	8924	8629	8231	7871	9117	7694	9211
319	19162	13928	13327	14122	12811	11919	13633	13076	16774

Так, в 2014 году удельный вес количества преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, от общего количества зарегистрированных в России преступлений составил около 0,3 %, аналогичный показатель по преступлению, закреплённому ст. 319 УК РФ, – около 0,5 %. Такие статистические данные явно указывают на довольно высокую степень распространенности исследуемых преступлений, что предопределяет необходимость их уголовно-правового запрета. Кроме того, наблюдавшийся в 2012 и 2014 годах прирост (+12% и более) количества зарегистрированных фактов применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ)² обуславливает

¹ Информация ГИАЦ МВД России (Форма 1-Г). URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/3232247/>. (дата обращения 15.04.2015).

² Отметим, что наметившееся снижение количества зарегистрированных в 2010 г. в РФ

необходимость совершенствования мер уголовно-правового противодействия изучаемым общественно опасным деяниям в целях стабилизации ситуации.

Положительные результаты криминализации применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) налицо, и они, несомненно, превышают ее отрицательные последствия. Отметим, что положительные последствия криминализации указанных общественно опасных деяний состоят, прежде всего, в превентивной (сдерживающей) роли исследуемых уголовно-правовых запретов. Спрогнозировав ситуацию, при которой в России рассматриваемые деяния не признавались бы преступлениями, не сложно убедиться в том, что это крайне негативно отразилось бы на деятельности органов власти; эффективность реализации мер государственного принуждения, правоохранительных и контролирующих функций государства приблизилась бы к нулю.

Анализ положений Конституции РФ, Федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, в том числе международных нормативно-правовых актов, показал, что криминализация применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ) не находится с ними в противоречии. Более того, исследуемые уголовно-правовые запреты призваны обеспечить реализацию многих властных полномочий органов государства.

Раскрывая соответствие уголовно-правовых норм, установленных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, нормам нравственности, представляется возможным рассматривать их с двух сторон. С одной стороны, при совершении исследуемых преступлений конкретная личность подвергается насилию либо оскорблению. В современном же российском обществе подобные поступки человека получают, как правило, резко негативную оценку. Цивилизованный мир не приемлет насилия и оскорбления как средств разрешения конфликтов, а тем более аморальными признаются акты насилия

преступлений, предусмотренных ст. 318 и 319 УК РФ, произошло на фоне снижения общего количества зарегистрированных преступлений, начиная с 2007 г., в РФ преступлений на 7,1 % в сравнении с предыдущими годами.

или оскорбления, когда они совершаются без видимого повода, в бесконфликтных ситуациях. С другой стороны, применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) или его оскорбление (ст. 319 УК РФ) являются посягательствами на лиц, наделенных государственно-властными полномочиями. И, несмотря на то, что авторитет представителей государственной власти в наши дни серьезно пошатнулся в силу различных причин, все же многовековой законодательный опыт особой правовой охраны представителей власти достаточно прочно укоренил в правосознании и правопонимании граждан аморальность насилия, оскорбления представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Требование об осуществимости применения уголовно-правового запрета в процессуальном и криминалистическом аспектах относительно ст. 318 и ст. 319 УК РФ также в целом выдерживается. Об этом свидетельствует достаточно распространенная судебная практика по уголовным делам о фактах применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ).

Затронутая проблема актуализируется обстоятельствами, отмеченными Р.А. Семенюком, который увязывает сложность доказуемости фактов применения насилия в отношении представителя власти с тем, что данные общественно опасные деяния, как правило, совершаются в отсутствие свидетелей¹. В свою очередь оскорбление представителя власти наказуемо по ст. 319 УК РФ только при совершении этого деяния публично, как это прямо следует из текста диспозиции ст. 319 УК РФ.

И, наконец, заключительное условие, смысл которого состоит в том, что криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эф-

¹Семенюк Р.А. Криминологический анализ преступлений, связанных с применением насилия в отношении представителя власти // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: материалы Международной научно-практической конференции (г. Тюмень, 10 апреля 2013 г.). Тюмень : Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 57–60.

фективна при помощи иных, более мягких мер, также выполнено законодателем в полной мере. Основанием для такого вывода служит следующий аргумент. Уголовным законом признаются преступления побори (ст. 116 УК РФ), причинение различной тяжести вреда здоровью (ст. ст. 111, 112 и 115 УК РФ), совершенные в отношении лиц, не наделенных какими-либо полномочиями. Что касается уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности, она утратила свою актуальность в связи с декриминализацией ст. 130 УК РФ.

По этой причине в настоящее время юридическая ответственность за противоправные деяния, попирающие честь и достоинство человека, носит характер санкции административного законодательства либо материальной ответственности за гражданско-правовой деликт¹.

Рассуждая о последовательности законодательного решения относительно декриминализации клеветы (ст. 129 УК РФ) и оскорбления (ст. 130 УК РФ), Ю. Голик задается вопросом: почему же, сохраняя специальные составы (ст.ст. 282, 297, 319, 329, 336 УК РФ), мы лишились общего? Логичнее, считает автор, было бы поступить наоборот².

Не вступая в дискуссию по поводу последовательности законодателя в решении декриминализации оскорбления, отметим, что уголовный закон по прежнему сохраняет в качестве объекта уголовно-правовой охраны честь и достоинство личности, это следует из названия главы 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». Кроме того, в нем предусмотрены нормы, устанавливающие ответственность за общественно опасные деяния, предусматривающие оскорбление в качестве криминообразующего признака (ст. ст. 282, 297, 319, 329, 336 УК РФ).

В свою очередь норма, закрепленная в ст. 318 УК РФ, предусматривает ответственность за совершение общественноопасных деяний аналогичных тем, что закреплены в ст. ст. 111, 112, 115,

¹ Шматова Е.С. Декриминализация оскорбления: правовой анализ // Российский следователь. 2013. № 15. С. 28–29.

² Голик Ю. Очередная модернизация уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 19.

116, но совершенных в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, то есть данная норма является специальной по отношению к ним. В этой связи какие-либо сомнения в целесообразности уголовно-правового противодействия применению насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорблению представителя власти (ст. 319 УК РФ) просто исключены. Кроме того, повышенная общественная опасность рассматриваемых преступлений требует усиленного уголовно-правового противодействия им.

Подводя итог, следует отметить, что уголовно-правовая охрана здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти обусловлена, прежде всего:

1) высоким уровнем общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ), выраженной в том, что данные деяния:

а) подрывают авторитет государственной власти, ее статус в общественных отношениях, что снижает эффективность функционирования государственной власти, в том числе эффективность предупреждения различных правонарушений;

б) посягают на личность представителя власти (конкретного человека, выступающего носителем государственной власти), его здоровье, честь или достоинство;

в) взаимосвязаны с общеуголовными преступлениями или иными правонарушениями, которые, как правило, предшествуют фактам применения насилия в отношении представителя власти или его оскорбления;

2) достаточной для криминализации степенью распространенности фактов применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ);

3) неэффективностью противодействия указанным деяниям не только иными правовыми средствами, но и посредством общих уголовно-правовых запретов на применение насилия, оскорбление;

4) сложившейся исторической традицией уголовно-правового противодействия посягательствам на представителей власти.

1.2. Уголовно-правовая характеристика представителя власти, его здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства

Всестороннее рассмотрение социально-юридической сущности применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ) актуализирует необходимость определения объектов данных преступлений.

Как справедливо указывает Л.Д. Гаухман, объект преступления «позволяет уяснить социально-политическую и правовую сущность преступления», однако значение объекта этим не исчерпывается, поскольку правильное понимание объекта преступления «определяет во многом квалификацию преступления..., обеспечивает разграничение преступлений»¹.

Несмотря на то, что в теории уголовного права выделяется несколько подходов к определению понятия объекта, суть большинства из них состоит в том, что объект отображает то, на что направлено конкретное общественно опасное деяние². При этом, пожалуй, наиболее распространенной является концепция объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, которым преступлением причиняется вред или которые поставлены под угрозу причинения вреда³.

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 78.

² Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. д-р юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 72; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М., 2001.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 11–48; Советское уголовное право. Общая часть. М.: Юрид. лит-ра, 1977. С. 108–111; Акоев К.Л., Пинкевич Т.В. Уголовное право России (Общая и Особенная часть): учебное пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2000. С. 26; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 60–62; Расторопов С.В. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. № 1. С. 37–40; Каиржанов Е.И. Объект преступления и проблема систематизации норм уголовного законодательства // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 167 и др.

Вместе с тем стоит согласиться с утверждением Н.И. Коржанского о том, что «признаки предмета преступления во многих случаях позволяют выявить объект посягательства»¹. Автор, фундаментально исследовав объект и предмет уголовно-правовой охраны, пришел к выводу о широком понимании предмета преступления. По его мнению, «предмет преступления – это конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений»². Взяв за основу предложенные тезисы, мы позволим себе некоторую терминологическую оговорку в виде замены «предмета» понятием «потерпевший» в тех случаях, когда воздействию подвергается человек, поскольку, на наш взгляд, не вполне этично именовать человека «предметом». Кроме того, как утверждает М.С. Сирик, «вычленение потерпевшего как субъекта общественного отношения важно для уяснения самого отношения, так как социальный статус указывает на сферу общественных отношений, в которые включился субъект»³.

В.Я. Таций по этому поводу отметил, что «определение участников или, что одно и то же, субъектного состава отношения, их социальных функций в нем во многих случаях позволяет определить те общественные отношения, которые выступают объектом того или иного преступления...»⁴.

В связи с изложенным, прежде чем приступить к исследованию общественных отношений, нарушаемых вследствие применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) или его оскорбления (ст. 319 УК РФ), то есть объектов данных преступлений, представляется целесообразным подвергнуть анализу понятие «представитель власти» как потер-

¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 122.

² Коржанский Н.И. Указ. соч. С. 103.

³ Сирик М.С. Уголовно-правовое и криминологическое значение потерпевшего от преступления : учебное пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.И. Улезько. Армавир: СКИБИИТ, 2006. С. 12.

⁴ Таций В.Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1988. С. 25.

певший от преступления, фигура которого «возникает всегда как результат совершения преступления»¹.

Известно, что потерпевший входит в структуру объекта преступления в качестве его факультативного признака. В то же время потерпевший является одним из обязательных признаков составов преступлений, предусматривающих ответственность за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ)².

Более того, признаки потерпевшего в исследуемых преступлениях следует рассматривать как составообразующие (конструктивные) при сравнении преступлений, регламентированных ст. 318, ст. 319 УК РФ, с общеуголовными составами преступлений об ответственности за причинение вреда здоровью и побои (ст. ст. 111, 112, 115, 116 УК РФ). Иными словами, специфика характеристики потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, выступила одним из оснований для особой уголовно-правовой охраны их здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства путем конструирования специальных уголовно-правовых норм.

Как следует из текста уголовного закона, потерпевшим от данных преступлений выступает представитель власти (или его близкие в ст. 318 УК РФ, о чем пойдет речь ниже). В соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Однако следует отметить, что определение представителя власти в теории уголовного права неоднократно становилось предметом научных дискуссий³.

¹ Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 346.

² Кисиев С.М. Понятие представителей власти в уголовном праве // Сборник научных трудов. Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2007. Вып. 5. С. 121.

³ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 100; Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 100; Таможник Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспек-

По мнению ряда авторов, понятие «представитель власти» не согласуется с дефиницией должностного лица¹. Так, в соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Н.К. Рудый, например, считает, что «при формулировании понятия «представитель власти» в примечании к ст. 318 УК РФ законодатель допускает логическую ошибку по отношению к законодательной дефиниции «должностное лицо», которая выражается в повторении того же самого другими словами: «представителем власти является должностное лицо», а «должностное лицо – это лицо, осуществляющее функции представителя власти» и предлагает примечание к ст. 318 УК РФ изложить в новой редакции².

Аналогичного мнения придерживается и К.В. Третьяков³.

При таком подходе авторов к определениям понятий «представитель власти» и «должностное лицо» происходит их смешение. И многие авторы рассматривают их как идентичные, не обращая внимания на факт, который в своей работе отмечает С.М. Кисиев, указывая при этом, что если примечание к ст. 318 УК РФ, как это прямо оговаривается в его тексте, распространяется на все статьи уголовного закона, где используется признак «представитель власти», то примечание 1 к ст. 285 УК РФ, в со-

ты : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 98–99; Басова Т. Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» // Уголовное право. 2005. № 3. С. 9 и др.

¹ Кравцова О. В., Блинова-Сычкарь И. В., Дмитриенко С. А. Представитель власти как потерпевший от преступления // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 584.

² Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12.

³ Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 9.

ответствии с его буквальным смыслом, распространяет свое действие только на статьи главы 30 УК РФ.

Далее автор предлагает снять вопрос о несогласованности указанных понятий хотя бы в отношении ст. 318 УК РФ¹.

В то же время этот вопрос требует дальнейшего изучения, а также теоретически обоснованного внесения предложений по законодательному изменению примечания 1 к ст. 285 УК РФ, поскольку употребляемые в уголовном законе термины должны пониматься единообразно и должны быть учтены во всех родственных случаях. Такой позиции придерживается ряд авторов². И в этой связи следует согласиться с мнением А.Р. Саруханяна, который считает, что понятие должностного лица является более широким по отношению к понятию представителя власти, то есть представитель власти – это разновидность должностного лица, характеризующаяся принадлежностью к правоохранительным или контролирующим органам, либо к иным органам и наделенное распорядительными полномочиями³.

Еще на один момент в связи с рассмотрением вопроса о понятии «представитель власти» следует обратить внимание. Некоторые авторы считают, что порядок управления может и должен поддерживаться не только лицами, исполняющими свои обязанности на государственной службе. По их мнению, потерпевшими от преступлений, совершенных в отношении представителей власти, могут быть, в определенных случаях, и представители общест-венности⁴.

¹ Кисиев С.М. Понятие представителей власти в уголовном праве // Сб. науч. тр. Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2007. Вып. 5. С. 122.

² Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 64–65; Кисиев С.М. Понятие представителей власти в уголовном праве // Сб. науч. тр. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2007. Вып. 5. С. 122; Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12; Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 9.

³ Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь: СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 57–58.

⁴ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 79–80.

В связи с этим следует поддержать позицию С.М. Кисиева по данному вопросу, который считает, что такой подход авторов преждевременен, так как действующим законодательством не регламентируется возможность наделения представителей общественности распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости. Кроме того, это определенным образом противоречит смыслу родового и видового объектов изучаемых преступлений, так как сложно представить деятельность представителей общественности в рамках управленческой деятельности органов государственной власти¹.

Подтверждением сказанному служит определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 43-099-81 по делу Р., в котором указано, что «по смыслу примечания к ст. 318 УК РФ представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Из материалов дела видно, что потерпевший, работая старшим инспектором безопасности АО «Ижмаш», в установленном законом порядке распорядительными функциями наделен не был и не мог быть признан представителем власти, поэтому действия осужденного по применению насилия к потерпевшему (причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное его расстройство) перекалифицированы с ч. 2 ст. 318 УК РФ на ст. 115 УК РФ»².

В этой связи, в целях недопущения возможных ошибок в правоприменительной практике, представляется целесообразным указание в примечании к ст. 318 УК РФ на то, что представителем власти является должностное лицо государственного правоохранительного или контролирующего органа, а также должностное лицо иного государственного органа, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в

¹ Кисиев С.М. Понятие представителей власти в уголовном праве // Сб. науч. тр. Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2007. Вып. 5. С. 123.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 43-099-81 по делу Русских // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 14.

отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости¹. С таким дополнением согласилось 69 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

Понимание такого признака представителя власти, как обладание им распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, каких-либо серьезных затруднений не вызывает и достаточно подробно описано в юридической литературе.

Так, А.Р. Саруханян пишет, что «распорядительные полномочия реализуются в праве должностного лица отдавать в пределах своей компетенции указания, обязательные к исполнению другими должностными лицами и гражданами»². Распорядительные, или иначе – властные, полномочия отличают представителя власти от иных должностных лиц, поскольку обозначенные полномочия распространяются на лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. При этом, конечно же, такие полномочия не безграничны, «...хотя теоретически распорядительные полномочия представителя власти распространяются на неопределенный круг лиц, – отмечает А.Г. Брагина, – они в любом случае имеют силу лишь в определенных ведомственных границах»³. Например, представитель федеральной службы по финансовым рынкам не вправе отдавать распоряжения в сфере фармацевтических услуг и т.п.

Следует отметить, что если потерпевшим от оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) может быть исключительно представитель власти, то потерпевшими от применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) могут быть также близкие представителя власти.

Понятие близких лиц в уголовном законе не раскрывается, однако употребляется неоднократно, в частности в п. «б» ч. 2 ст.

¹ Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 107.

² Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь : СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 58.

³ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 76.

105 УК РФ. При этом, как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений¹.

Хотя приведенное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ не затрагивает вопросов толкования признаков применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), мы поддерживаем позицию К.В. Ображиева о том, что «идентичность определенного признака (понятия) для ряда составов преступлений предопределяет необходимость его единообразного, универсального понимания»².

В свою очередь понятие «близкие родственники» раскрывается в ст. 5 УПК РФ, где сказано, что близкие родственники – это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

По нашему мнению, отнесение законодателем к числу потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, близких лиц, понятие которых раскрыто выше, абсолютно оправданно и вполне логично, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 318 УК РФ указывается на факт совершения этого преступления в связи с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей. Воздействие же на представителя власти путем применения насилия в отношении близких ему лиц, как правило, будет не меньшим, чем, если бы насилие применялось к нему самому. А в отдельных случаях, на наш взгляд, воздействие при применении насилия в отношении лиц, близких представителю власти, будет

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. ППВС РФ от 3 марта 2015 г. №9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации») : пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 3–6.

² Ображиев К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России. Ставрополь : Сервисшкола, 2002. С. 80.

оказано еще большее, чем тогда, когда насилие применялось бы в отношении самого представителя власти.

Вместе с тем мы считаем закономерным отсутствие в ст. 319 УК РФ указания на близких лиц представителя власти в качестве потерпевших от данного преступления, так как в отличие от применения насилия в отношении близких представителя власти (ст. 318 УК РФ) оскорбление названных лиц не окажет значимого воздействия на самого представителя власти в части осуществления им профессиональной деятельности.

Рассмотренные признаки потерпевших от преступлений, регламентированных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, позволяют более точно охарактеризовать объект данных преступлений.

В теории уголовного права распространенной является классификация объектов преступления «по вертикали» на общий, родовой, видовой и непосредственный. Общим объектом принято считать всю совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, круг которых очерчен в ч. 1 ст. 2 УК РФ: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества.

По признаку родового объекта преступления сгруппированы в разделы Особенной части УК РФ. Исследуемые нами общественно опасные деяния помещены законодателем в раздел X «Преступления против государственной власти», следовательно, все преступления, расположенные в названном разделе УК РФ посягают на единый родовой объект. При этом в уголовно-правовой теории предлагаются различные формулировки родового объекта данных преступлений, некоторые из которых представляется целесообразным изложить.

Так, А.Е. Беляев считает, что родовым объектом преступлений, объединенных разделом X УК РФ, «является государственная власть»¹.

¹ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 651.

Л.В. Иногамова-Хегай уточняет, что родовым объектом этих преступлений выступают «общественные отношения по осуществлению государственной власти»¹.

О.П. Грибунов признает родовым объектом изучаемых преступлений «общественные отношения, обеспечивающие деятельность государственной власти, ее аппарата и деятельности должностных лиц»².

А.В. Шрамченко придерживается позиции, согласно которой родовым объектом преступлений, предусмотренных разделом X УК РФ, выступают «общественные отношения в сфере существования и должного функционирования государственной власти в Российской Федерации»³.

По мнению С.А. Яковлевой, родовым объектом насильственных преступлений против представителей власти является «совокупность (система) общественных отношений, обеспечивающих легитимность, нормальное и законное функционирование государственной власти в Российской Федерации»⁴.

А.Р. Саруханян понимает под родовым объектом преступлений против порядка управления «общественные отношения, обеспечивающие государственную власть, то есть политическую публичную суверенную власть, управляющую обществом в стране, осуществляемую специальными органами (государственный аппарат); общественные отношения, обеспечивающие установленный законами РФ и основанными на них иными нормативными актами порядок государственного и местного управления, в том числе относящийся к функционированию органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, символов государственной власти,

¹ Преступления против правосудия / под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 22.

² Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 55.

³ Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 75.

⁴ Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 111. См. также: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 359.

а также к удостоверению и реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц»¹.

Как видно из процитированных определений родового объекта преступлений против государственной власти, все авторы сходятся во мнении, что преступления X раздела УК РФ так или иначе связаны с функционированием государственной власти, что является закономерным, поскольку не случайно дано соответствующее наименование указанному разделу уголовного закона.

В соответствии со ст. 10 Конституции РФ² государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственную власть в РФ осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды РФ (ч. 1 ст. 11 Конституции РФ). Согласно ч. 2 ст. 11 Конституции РФ, государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти. При этом в юридической литературе отмечается, что такие органы, как, например, Президент РФ, Генеральная прокуратура РФ, Счетная палата РФ, отдельными авторами включаются в категорию «федеральных органов государственной власти с особым статусом»³.

С учетом изложенного, а также результатов, полученных в ходе анализа признаков представителя власти, представляется возможным признать, что родовым объектом преступлений против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти являются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением государственной власти в

¹ Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь : СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 12–13. См. также: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 1999. С. 664; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М., 1999. С. 721.

² Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс] // Справочная система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc; base=LAW;n=2875;dst=0; ts=8BDF90DF6AD616C6EC-17C954AF235556; rnd=0.994250257499516> (дата обращения: 01.02.2015).

³ Станских С.Н. Федеральные органы государственной власти с особым статусом в системе разделения властей // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1.

РФ. С этим определением согласилось 62 % опрошенных, в рамках проведенного социологического исследования.

В содержании указанного родового объекта выделяется четыре видовых объекта, что учтено законодателем при формировании четырех соответствующих глав, содержащихся в разделе X «Преступления против государственной власти» УК РФ. Однако цель исследования обуславливает необходимость рассмотрения лишь того видового объекта, к которому принадлежат применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), включенные в главу 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ.

Начать целесообразно с изучения точек зрения относительно видового объекта исследуемых преступлений, имеющих место в уголовно-правовой доктрине.

Так, Р.Э. Оганян называет видовым объектом преступлений, закрепленных 32 главой УК РФ, «общественные отношения и интересы по обеспечению законного и эффективного порядка управления в Российской Федерации, осуществляемого органами исполнительной власти»¹.

М.П. Журавлев утверждает, что видовым объектом преступлений против порядка управления «является нормальная управленческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления»².

По мнению А.Г. Брагиной, видовой объект данных преступлений образуют «общественные отношения по поводу порядка государственного управления»³.

А.Ю. Кизилев определяет видовой объект преступлений против порядка управления как «отношения социального подчинения, обеспечивающие нормальную деятельность органов госу-

¹ Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М. : Илекса, 2007. С. 956.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 648. См. также: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 416.

³ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 58–59.

дарственной власти и местного самоуправления в процессе организации общественной жизни»¹.

А.Р. Саруханян обозначает видовой объект преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ, как совокупность общественных отношений, обеспечивающую законно установленный и регламентированный государством порядок в сфере осуществления управления².

А.В. Шрамченко считает, что видовым объектом преступлений против порядка управления являются «общественные отношения в сфере осуществления порядка управления»³.

Как видно, позиции А.Р. Саруханяна и А.В. Шрамченко отличаются от других отсутствием указания на то, что исследуемые преступления нарушают отношения в сфере государственного управления, а не какого-либо иного. На первый взгляд, такая черта приведенных определений видовой объект преступлений против порядка управления может выступить поводом для их критики, однако стоит учесть, что видовой объект принадлежит родовому, является его частью, поэтому и указание на то, что речь ведется о государственном управлении не является обязательным.

С учетом изложенного, представляется возможным охарактеризовать видовой объект преступлений против порядка управления, в том числе преступлений, регламентированных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, как общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления. Данное определение нашло поддержку 68% опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

Переходя к рассмотрению вопроса о непосредственных объектах изучаемых преступлений, следует отметить, что непосредственный объект, также принадлежащий родовому, как и видовой

¹ См.: Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 66.

² Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь : СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 15.

³ Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 75.

родовому, позволяет более точно «очертить» границы общественных отношений, поставленных под охрану соответствующими уголовно-правовыми нормами. Принимая во внимание сведения о признаках потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. ст. 318, 319 УК РФ, свидетельствующих об их особом правовом статусе как представителей государственной власти в сфере реализации установленного российским законодательством порядка осуществления управленческой деятельности, в теории уголовного права сформировалось мнение о двухобъектности данных преступлений.

При этом уголовно-правовая доктрина в случае двухобъектности посягательства классифицирует непосредственные объекты по горизонтали на основной и дополнительный.

В основе разделения непосредственных объектов на основной и дополнительный лежат следующие суждения. Основным непосредственным объектом признается то «общественное отношение, повреждение которого составляет социальную сущность данного преступления и в целях охраны которого издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение»¹.

В этой связи очевидным является вывод о том, что основной непосредственный объект входит в структуру видового объекта, охватывается им, или иначе – основной непосредственный объект принадлежит видовому объекту данного преступления, как часть целому².

В свою очередь «дополнительным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, посягательство на которое не составляет сущности данного преступления, но которое этим преступлением нарушается или ставится в опасность нарушения наряду с основным объектом»³.

Так, в качестве основного непосредственного объекта посягательств на представителей власти М.Б. Моховой называет нормальную деятельность государственного аппарата в правоохра-

¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 81.

² Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. С. 72.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 81–82.

нительной и контролирующей сферах¹. Некоторым образом конкретизирует основной непосредственный объект исследуемых преступлений С.А. Яковлева, определяя его как законную деятельность представителя власти². О.П. Грибунов именует такую деятельность «нормальной»³.

Е.Л. Таможник считает, что основным непосредственным объектом преступлений против представителей власти выступает «деятельность должностных лиц, осуществляющих законный порядок управления»⁴.

По мнению Р.Э. Оганяна, основным непосредственным объектом исследуемых преступлений следует признать «интересы порядка управления»⁵.

Характеризуя основной непосредственный объект оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), А.Ю. Кизилев уточняет, что таковым являются «общественные отношения, обеспечивающие авторитет органов государственной власти, являющийся необходимым условием их нормального функционирования»⁶.

По мнению Н.К. Рудый, эти преступления посягают на «служебную деятельность и личность представителей власти и выражаются в противодействии субъектам управленческой дея-

¹ Моховой М.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 33; Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 69.

² Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 114; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Преступления против порядка управления. М., 1969. С. 62; Ветров Н.И. Преступления против порядка управления, посягающие на нормальную деятельность органов внутренних дел. М., 1989. С. 6 и др.

³ Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 65.

⁴ Таможник Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 98–99. С. 11.

⁵ Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. С. 957.

⁶ Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 131.

тельности по осуществлению их функций»¹.

К.В. Третьяков предлагает рассматривать основной непосредственный объект как общественные отношения, связанные с нарушением нормальной деятельности представителей власти в сфере порядка управления².

В качестве дополнительного непосредственного объекта применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) указанная группа авторов обозначает интересы личности, а именно – здоровье, честь, достоинство представителей власти или их близких³, безопасность жизни и здоровья конкретного человека, являющегося представителем власти либо его близким⁴.

В рамках данного вопроса, опираясь на общепризнанную доктрину российского уголовного права, следует согласиться с мнением ряда авторов, которые указывают, что дополнительные последствия, речь идет именно о последствиях, связанных с нарушением общественных отношений (дополнительный объект преступления), «не могут быть более тяжкими, чем основные, так как в противном случае они выйдут за рамки этой уголовно-правовой нормы и потребуют вменения виновному самостоятельной статьи Уголовного кодекса. При этом в роли способа совершения преступления может выступать только деяние, менее опасное, чем основное»⁵.

¹ Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

² Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 20.

³ Кизилов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 69; Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 114; Моховой М.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 33; Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 68 и др.

⁴ Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 20.

⁵ Кравцова О. В., Блинова-Сычкарь И. В., Дмитриенко С. А. Представитель власти как потерпевший от преступления // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 585.

Вместе с тем описанная позиция, суть которой состоит в признании двухобъектности преступлений, предусмотренных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, некоторыми авторами подвергается критике. Например, А.Г. Брагина полагает, что недопустимо конституционно признанную высшую ценность – права и свободы личности – идентифицировать как дополнительный непосредственный объект. Рассматривая состав оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), А.Г. Брагина отмечает, что «при совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, происходит посягательство одновременно на два равнозначных объекта преступления – управленческую деятельность представителя власти и его честь и достоинство, ценность каждого из которых неоспорима. Одновременное посягательство на оба объекта уголовно-правовой охраны влечет двойной вред, размер которого складывается из общей «суммы» причиненного каждому из них»¹.

По нашему мнению, предложенная позиция, безусловно, заслуживает внимания, поскольку следует согласиться с А.Г. Брагиной в некоторой некорректности с формальной стороны обозначения общественных отношений, обеспечивающих интересы личности, в качестве дополнительного непосредственного объекта. Однако, с другой стороны, отнесение общественных отношений, обеспечивающих здоровье, честь либо достоинство личности, к категории дополнительного объекта несколько не умаляет ценности последних. Кроме того, здоровье, личная неприкосновенность, честь и достоинство человека, на наш взгляд, методологически не верно сравнивать с управленческой деятельностью, ставить их в один ряд². Полностью соглашаясь с тем, что исследуемые преступления посягают одновременно на два объекта уголовно-правовой охраны, мы подчеркиваем, что разделение непосредственных объектов на основной и дополнительный необходимо, прежде всего, для правильной квалификации преступлений. Как отмечалось нами выше, основным непосредственным объектом необходимо признавать то общественное отношение,

¹ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 70.

² Таможник Е.Л. Система преступлений против лиц, осуществляющих порядок управления // Законность. 2006. № 3. С. 31–32.

нарушение которого составляет социально-юридическую сущность конкретного преступления и ради охраны которого введена в уголовный закон определенная правовая норма. В противном случае, то есть, не дифференцируя непосредственные объекты на основной и дополнительный, размывается грань между преступлениями, предусмотренными ст. 318 и ст. 319 УК РФ, и общеуголовными преступлениями против личности.

Однако ряд авторов еще более углубились в данном направлении, обосновывая «составной» характер объектов преступлений против субъектов управленческой деятельности. Так, А.Р. Саруханян пишет, что непосредственным объектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) являются «общественные отношения, обеспечивающие здоровье представителя власти как залог осуществления последним должностных обязанностей»¹.

На наш взгляд, подобное понимание непосредственных объектов преступлений, регламентированных ст. ст. 318, 319 УК РФ, вносит еще больше неясностей, так как в данном определении искусственно объединены два объекта, туманной представляется и связь непосредственного объекта с видовым и родовым объектами. Очевидно, что, например, применение насилия в отношении представителя власти, совершенного не в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (как требуется для наличия состава преступления, закрепленного ст. 318 УК РФ), также нарушает общественные отношения, обеспечивающие здоровье представителя власти, которые, в свою очередь, выступают «залогом осуществления представителем власти должностных обязанностей». Кроме того, данное определение непосредственного объекта применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) прямо противоречит положениям действующего

¹ Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь: СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 57. См. также: Матросова М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 189; Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 109–110; Ткаченко В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 75.

законодательства, поскольку потерпевшим от этого преступления может быть не только сам представитель власти, но и его близкие. В ситуации применения насилия в отношении лица, близкого представителю власти, в связи с исполнением последним своих должностных обязанностей, общественные отношения, обеспечивающие здоровье представителя власти, вообще не подвергаются воздействию.

Как представляется, имеются все основания утверждать, что основным непосредственным объектом преступлений против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти являются общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией установленного законодательством РФ порядка управления¹. Особая уголовно-правовая охрана здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти, состоящая в конструировании законодателем соответствующих специальных уголовно-правовых норм (ст. ст. 318, 319 УК РФ), предопределена тем, что названные лица выступают носителями государственной власти. И в случае применения насилия в отношении представителя власти (либо его близких) или его оскорбления в связи с исполнением им своих должностных обязанностей главным образом нарушаются именно общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством России порядка государственного управления.

Следовательно, дополнительным непосредственным объектом исследуемых преступлений следует признать общественные отношения, обеспечивающие здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство личности (с этим выводом соглашается 61 % респондентов). Подчеркнем, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 318, 319 УК РФ, указанные общественные отношения всегда нарушаются наряду с общественными отношениями, образующими основной непосредственный объект.

¹ С этим согласилось 72 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

При применении насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей осуществляется непосредственное посягательство на здоровье человека, путем такого посягательства нарушаются общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации установленного российским уголовным законодательством порядка государственного управления. Вместе с тем стоит отметить, что фактически при совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, здоровье может и не повреждаться, поскольку в тексте диспозиции названной нормы криминализовано не только применение насилия, но и угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. В случае угрозы применения насилия общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, лишь ставятся в опасность, хотя в определенной степени здоровью человека все же может быть причинен психический вред, заключающийся в эмоциональных переживаниях, стрессе¹. Таков же механизм причинения вреда психическому здоровью представителя власти при применении насилия в отношении его близких или при угрозе применения насилия в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Толкование категории «здоровье», по поводу обеспечения которого возникают общественные отношения, в теории уголовного права представлено преимущественно однообразно и не вызывает затруднений в правоприменительной практике. Под здоровьем понимается естественное анатомическое и физиологическое состояние организма².

Общественно опасное деяние в виде оскорбления представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением (ст. 319 УК РФ) нарушает общественные отношения, обеспечивающие честь и достоинство

¹ Шарапов Р.Д. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79–80.

² Красиков А.Н. Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 52–54; Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М. : Норма, 2005. С. 86–88.

личности, однако в виду специфики потерпевшего – представитель власти, и связи оскорбления со служебной деятельностью такого лица, налицо факт нарушения общественных отношений, складывающихся в связи с реализацией установленного российским законодательством порядка управления¹. При этом в очередной раз подчеркнем, что, несмотря на «вторичность» повреждения основного непосредственного объекта, именно в целях охраны общественных отношений, складывающихся в связи с реализацией установленного законодательством РФ порядка управления, в уголовном законе предусмотрены исследуемые нами специальные правовые нормы (ст. ст. 318, 319 УК РФ).

Анализ юридической литературы показал, что под «честью» принято понимать общественную оценку личности, осознание обществом духовных качеств человека². Достоинство, как справедливо указывает Т.Н. Нуркаева, является «своеобразным отражением этой социальной оценки в сознании его носителя»³. «Достоинство, – пишет Ю.В. Ганжа, – это чувство и осознание своей моральной ценности и полезности обществу»⁴.

Механизм нарушения непосредственных объектов данных преступлений отчетливо демонстрирует тот факт, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, посягательство, осуществляемое на представителя власти, как правило, направлено не в адрес конкретной личности, потерпевший воспринимается виновным как бы «обезличено». Иными словами, представитель власти расценивается виновным не как

¹ Киселев С.С. Некоторые вопросы определения объективных признаков оскорбления представителя власти // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск : Омск. акад. МВД России, 2012. Вып. 19. С. 75–82.

² Дементьев О.М., Кочеткова М.Н., Шилкина А.Н. Проблема уголовной ответственности за оскорбление в РФ // Вопросы современной науки и практики : материалы II науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (24–26 октября 2012 г.). Тамбов, 2013. С. 27–31.

³ Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 42–43.

⁴ Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: Уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 14.

личность, член общества, а как субъект, облеченный государственной властью.

Признав общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией установленного законодательством РФ порядка управления, основным непосредственным объектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ), очевидным является тот факт, что указанными уголовно-правовыми нормами охраняется исключительно законная деятельность представителей власти.

Материалы исследованной судебной практики подтверждают, что квалификация содеянного по ст. 318 и ст. 319 УК РФ допустима при условии законного характера деятельности представителей власти. Примером может служить уголовное дело И. Заря-Лада по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти), который был оправдан Ростовским областным судом за отсутствием в его деянии состава преступления.

Кассационный протест государственного обвинителя об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ был ею оставлен без удовлетворения, а оправдательный приговор – без изменения. При этом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем постановлении указала, что поскольку судом было установлено, что И. Заря-Лада со своей семьей, а именно с женой, матерью и братом, находясь в состоянии алкогольного опьянения легкой степени, на железнодорожной станции «Ростов» ожидали электропоезд. К ним подошли работники милиции и потребовали документы, которых у них при себе не оказалось. Работники милиции Кочетков и Кроповой предложили супругам пройти с ними в дежурную часть линейного отделения милиции для выяснения обстоятельств. И. Заря-Лада, его мать, жена и брат стали просить работников милиции отпустить их на электропоезд, однако Кочетков и Кроповой повели И. Заря-Ладу в милицию. После того как О. Заря-Лада потребовал отпустить брата, Кочетков снял с пояса дубинку и замахнулся на него. Увидев это, И. Заря-Лада бросился на спину

Кочеткова, повалил его на землю и удерживал до тех пор, пока ему не надели на руки наручники.

Как видно из материалов дела, несмотря на то, что И. Заря-Лада находился в легкой степени алкогольного опьянения, однако ни он, ни его родственники правонарушений не совершали, что подтвердил в суде потерпевший Кочетков. В то же время работники милиции нарушили требования положения ст. 11 Закона РФ «О милиции», в которой закреплен исчерпывающий перечень оснований для проверки документов и препровождение граждан в отдел внутренних дел. При этом потерпевший Кочетков подтвердил, что И. Заря-Лада повалил его только после того, как он замахнулся на О. Заря-Ладу резиновой дубинкой. Учитывая тот факт, что ответственность за применение насилия в отношении представителя власти наступает тогда, когда насилие является противодействием законной деятельности представителя власти, в том числе и работника милиции по охране общественного порядка, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в действиях И. Заря-Лады не усмотрела противодействия законной деятельности представителей власти – работников милиции, в связи с чем посчитала, что оснований для отмены оправдательного приговора не имеется¹.

Вместе с тем анализ данного судебного решения приводит нас к выводу о необходимости более тщательного изучения в подобных случаях факта незаконности действий (бездействия) представителей власти. Основываясь на нормах закона, следует учитывать различные материалы, подтверждающие незаконность деятельности представителя власти, которыми могут выступать, в частности, материалы служебных проверок.

В заключение рассмотренных вопросов представляется возможным сделать следующие основные выводы:

– представителем власти является должностное лицо государственного правоохранительного или контролирующего органа, а также должностное лицо иного государственного органа, наделенное в установленном законом порядке распорядительны-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 апреля 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 10–11.

ми полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. При этом аргументирована целесообразность дополнения примечания к ст. 318 УК РФ указанием на принадлежность соответствующих органов к органам государственной власти;

– родовым объектом преступлений против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти являются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением государственной власти в РФ;

– видовой объект преступлений, регламентированных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, образуют общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления;

– обоснована двухобъектность применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), поскольку основной непосредственный объект этого преступления совпадает с видовым, а в качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, обеспечивающие здоровье и телесную неприкосновенность личности;

– оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) предлагается рассматривать как преступление, причиняющее вред двум объектам уголовно-правовой охраны, где основной непосредственный объект также совпадает с видовым, а дополнительный непосредственный объект представлен общественными отношениями, обеспечивающими честь и достоинство представителя власти.

Полагаем, что декриминализация общей нормы, предусматривавшей уголовную ответственность за оскорбление (ст. 130 УК РФ)¹, не исключила честь и достоинство личности из круга объектов уголовно-правовой охраны, сохранив данные правоохраняемые интересы в качестве составляющих видовой объект преступлений, помещенных в главу 17 УК РФ.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 52 (часть I). Ст. 6453.

Глава II. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЗДОРОВЬЕ, ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ, ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

2.1. Объективные и субъективные признаки применения насилия в отношении представителя власти

Одной из основополагающих идей российского уголовного права является принцип законности, закрепленный в ч. 1 ст. 3 УК РФ, которая гласит: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Из этого следует, что «преступлением признается только такое деяние, признаки которого предусмотрены уголовным законом»¹. В свою очередь, единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ст. 8 УК РФ). Обобщая изложенные положения, следует сделать вывод о том, что совершенное лицом деяние будет квалифицировано как преступление при наличии в нем признаков состава преступления.

В доктрине уголовного права под составом преступления традиционно понимается совокупность юридически значимых признаков общественно опасного деяния, характеризующих его как преступление. При этом В.Н. Кудрявцев точно подмечает, что «состав – это не только совокупность, а строгая система признаков преступления. Состав отражает характерные для преступления внутренние связи образующих его элементов. Большой заслугой науки уголовного права, – пишет автор, – является обнаружение единой общей структуры всех преступлений и построение на этой основе состава каждого преступления из четырех основных групп признаков, характеризующих объект, субъект, объективную и субъективную сторону преступления»².

¹ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 42.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. С. 59–60.

В этой связи в целях уяснения основания уголовной ответственности за общественно опасные деяния против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителей власти представляется целесообразным рассмотреть признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 318 и ст. 319 УК РФ.

Признаки объекта преступления, с помощью которых выше нами была раскрыта социально-юридическая сущность применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), закономерно связаны с признаками объективной стороны. Объективная сторона преступления, трактуемая в уголовном праве как внешнее выражение акта преступного поведения человека, демонстрирует, каким образом нарушается объект преступления.

В отличие от других элементов состава преступления (объекта, субъекта, субъективной стороны) признаки объективной стороны всегда закреплены в тексте диспозиции уголовно-правовой нормы.

Объективные признаки применения насилия в отношении представителя власти.

Изучение ст. 318 УК РФ, состоящей из двух частей, позволило прийти к выводу, что данная уголовно-правовая норма содержит два состава преступления, отличающихся между собой признаками объективной стороны.

Так, в ч. 1 ст. 318 УК РФ предусмотрена ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, а в ч. 2 ст. 318 УК РФ – за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой статьи.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, выражается в двух альтернативных формах:

- 1) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья;
- 2) угроза применения насилия.

Каждая из обозначенных форм проявления объективной стороны применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) требует самостоятельного анализа.

Базовой для толкования признаков первой формы, выражающей объективную сторону преступления, здесь выступает категория «насилие, не опасное для жизни или здоровья».

Следует отметить, что, несмотря на многократное использование в уголовном законе названной категории, ее понятие и содержание в российском уголовном законодательстве не определено. Вместе с тем в теории уголовного права понятие насилия и различные его аспекты исследуются и вносятся теоретически обоснованные предложения по их доктринальному и законодательному закреплению многими авторами. Так, например, по мнению Р.С. Джинджолия, насилие представляет собой «физическое или психическое воздействие одного лица на другого, нарушающее гарантированное в ч. 1 ст. 22 Конституции РФ право граждан на личную неприкосновенность»¹.

Э.Ф. Побегайло утверждает, что «под насилием понимается незаконное применение силы, принудительное, то есть против воли другого лица, воздействие на него»².

Л.В. Сердюк предлагает более развернутую дефиницию, утверждая, что «насилие – это внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму и ограничить свободу его волеизъявления или действий»³.

Р.Д. Шарапов соглашается с точкой зрения А.В. Иващенко и А.И. Марцева, которые полагают, что «в качестве насилия следует рассматривать активную сознательную деятельность (поведе-

¹ Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности: монография / под ред. проф. А.А. Магомедова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 232.

² Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 245. См. также: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 3.

³ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.П. Щербы. М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2002. С. 22.

ние), непосредственно направленную против свободного волеизъявления. При таком понимании насилия его феноменальной особенностью следует считать причинение вреда тому, чья свобода ограничивается, против чьей свободной воли происходит деяние. В отличие от многих других форм проявления человеческой активности только насилие представляет собой поведение, при котором поступки человека, очевидно, нацелены на подавление свободы»¹.

При этом сам Р.Д. Шарапов представил авторское определение насилия в уголовном праве. По его мнению, это «преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки (против или помимо) его воли путем энергетического (физического) или информационного (психического) воздействия на организм (органы, ткани, физиологические функции, психику) человека»².

Взяв за основу последнюю дефиницию насилия в уголовном праве, следует отметить, что насилие традиционно подразделяется на два вида: физическое и психическое. Вместе с тем в тексте уголовного закона термин «насилие» означает насилие исключительно физическое³, хотя подобная ситуация подвергается в юридической литературе серьезной критике⁴.

По нашему мнению, признак «насилие» в исследуемом нами преступлении следует толковать как физическое насилие. Способы физического насилия могут быть самыми разнообразными – это может быть механическое, физическое, химическое, биологическое воздействие⁵. Однако на квалификацию содеянного в качестве насилия способ его совершения не влияет. Уголовно-

¹ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 23.

² Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9.

³ Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 75.

⁴ Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 172–174.

⁵ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 45.

правовым значением обладает, прежде всего, характер, интенсивность и вредоносность применяемого насилия. При этом в ч. 1 ст. 318 УК РФ устанавливается уголовная ответственность не за любое физическое насилие, а только за насилие, не опасное для жизни или здоровья. Следует отметить, что «насилие, не опасное для жизни или здоровья» выступает признаком многих преступлений по УК РФ. В то же время легальное (аутентичное) толкование этого признака отсутствует.

Тем не менее разъяснение того, что необходимо понимать под насилием, не опасным для жизни или здоровья, дано в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ относительно грабежа, совершенного с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Согласно указанному разъяснению под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)¹. На наш взгляд, не вызывает сомнений тот факт, что данное толкование вполне применимо к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 318 УК РФ, поскольку признак «насилие, не опасное для жизни или здоровья» является унифицированным, следовательно, и пониматься он должен одинаково.

В этой связи стоит обратиться к возможным проявлениям насилия, не опасного для жизни или здоровья. Систематическое толкование уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что побои или иные насильственные действия, могущие выступить проявлением насилия, не опасного для жизни или здоровья, не должны влечь последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, то есть легкого вреда здоровью. Это связано с тем, что такой смысл в понятие побоев вкладывается законодателем при конструировании ст. 116 УК РФ «Побои», где прямо указано на недопустимость последствий в виде легкого вреда здоровью.

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Пленум В С РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. ППВС РФ от 3 марта 2015 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума В С РФ») // Бюллетень В С РФ. 2003. № 2. С. 5.

Анализ уголовно-правовой литературы относительно существенного определения побоев позволяет утверждать, что преобладающая часть авторов высказывается за понимание побоев как неоднократных ударов¹. Такая ситуация имеет под собой достаточно весомые основания, поскольку филологическое толкование свидетельствует о том, что побои – это многократные действия².

Вместе с тем вышеизложенное отнюдь не означает, что однократный удар, нанесенный представителю власти, не следует рассматривать в качестве насилия, не опасного для жизни или здоровья, так как последнее включает в себя еще и иные насильственные действия.

К подобным действиям принято относить действия, причиняющие физическую боль и состоящие в щипании, сечении, причинении множественных, но небольших повреждений тупыми или остро колющими предметами, воздействии термических факторов и т.п.³

Очевидно, что сказанное не исключает возможности отнесения однократного удара к иным насильственным действиям, поскольку ключевым признаком категории «иные насильственные действия» является физическая боль⁴, которая, безусловно, может быть причинена потерпевшему и в результате даже одного удара. Если же боль как специфичное физиологическое ощущение не возникает в результате удара, то такое действие сложно

¹ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2006. С. 116; Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности: монография / под ред. проф. А.А. Магомедова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 251; Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 84 и др. В то же время отдельные авторы полагают, что однократный удар все же образует признаки побоев. См.: Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 3: П. С. 135.

³ Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М.: Норма, 2005. С. 139.

⁴ Возможность квалификации однократного удара, нанесенного представителю власти, в связи с исполнением им своих должностных обязанностей в качестве насилия, не опасного для жизни или здоровья, поддержана 75 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

признать ударом, оно скорее жест, поэтому и содеянное в данном случае неверно расценивать в качестве насилия.

Наша позиция о возможности отнесения однократного удара представителя власти к насилию, не опасному для жизни или здоровья, подтверждается и результатами анализа материалов судебно-следственной практики.

Так, гражданин П. был признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 318 УК РФ за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении работника милиции С., который, во-первых, является представителем власти, а во-вторых, применение насилия в отношении него совершено в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Гражданин П. находился на территории рынка в состоянии алкогольного опьянения, что и послужило причиной его задержания работниками милиции и доставления в помещение опорного пункта милиции для установления личности и составления протокола об административном правонарушении. В ходе составления протокола об административном правонарушении гражданин П. стал оскорблять работников милиции, используя нецензурную брань, и ударил кулаком по лицу С., исполняющего обязанности по охране общественного порядка¹.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что составом применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, охватывается факт нанесения побоев. При этом результаты анализа изученных нами уголовных дел показывают, что побои выступают преобладающим способом применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, квалифицируемого по ч. 1 ст. 318 УК РФ. В то же время закономерно возникает вопрос о возможности оценки истязания как насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ).

Выше мы отмечали, что насилие, не опасное для жизни или здоровья, могут образовывать действия, причиняющие физическую боль и состоящие в щипании, сечении, причинении множе-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 11. С. 9–10.

ственных, но небольших повреждений тупыми или остро колющими предметами, воздействию термических факторов и т. п. Однако указанные действия могут приобретать характер истязания в случае, если ими причиняются физические или психические страдания и не причиняется тяжкий или средней тяжести вред здоровью. Кроме того, очевидно, что перечисленные действия могут не причинить и легкого вреда здоровью, а именно в этой ситуации и возникает вопрос о возможности отнесения подобных действий к категории насилия, не опасного для жизни или здоровья. Но, если условно не принимать во внимание наличие специальных уголовно-правовых норм, установленных ст. 318 УК РФ, то истязание представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей следовало бы квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ как, истязание, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности. Между тем санкция ч. 2 ст. 117 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет, тогда как ч. 1 ст. 318 УК РФ «максимум» образует лишение свободы на срок до пяти лет. Получается, законодатель признает больший уровень общественной опасности за преступлением, закрепленным п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ, по сравнению с преступлением, регламентированным ч. 1 ст. 318 УК РФ.

В этой связи сложно согласиться с утверждением Ю.И. Бытко о том, что истязание надлежит рассматривать в качестве насилия, не опасного для жизни или здоровья¹. В противном случае получается абсурдная ситуация: уголовно-правовая норма, охраняющая общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека (ст. 117 УК РФ), предусматривает более строгое наказание, чем норма, охраняющая указанный объект и наряду с этим общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления (ч. 1 ст. 318 УК РФ).

Таким образом, истязание, совершенное в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им сво-

¹ Бытко Ю.И. Преступления против порядка управления. Саратов, 1999. С. 8.

их должностных обязанностей, надлежит квалифицировать как насилие, опасное для жизни или здоровья, то есть по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Данный тезис одобрен 52% опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

Как представляется, действия в виде ограничения свободы представителя власти (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), образующие признаки применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, не нуждаются в детальном анализе в виду того, что их понимание не вызывает затруднений в правоприменительной практике. При этом Пленум Верховного Суда РФ абсолютно оправданно подчеркивает, что вопрос о квалификации фактов насильственного ограничения свободы в качестве насилия, опасного или неопасного для жизни или здоровья, должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить¹.

Теории и практике уголовного права известны случаи применения насилия посредством введения в организм человека сильнодействующих, одурманивающих или ядовитых веществ. В частности, исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, данных по уголовным делам о краже, грабеже и разбое, введение в организм потерпевшего против его воли или путем обмана сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества, опасного для жизни или здоровья, следует расценивать как насилие, опасное для жизни или здоровья. А соответственно введение веществ, не опасных для жизни или здоровья, – как насилие, не опасное для жизни или здоровья².

На наш взгляд, предложенные рекомендации по квалификации фактов введения в организм потерпевшего против, или помимо его воли сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ вполне приемлемы и для уголовно-правовой оценки таких действий, совершенных в отношении представителя

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. ППВС РФ от 3 марта 2015 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»). // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 5.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое. С. 6.

власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Вместе с тем необходимо отметить, что в доктрине уголовного права указанное решение о квалификации фактов введения в организм человека сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ в качестве физического насилия поддерживается не всеми авторами¹. Однако, не вдаваясь в детали данной дискуссии, нами все же поддерживается точка зрения, подтверждаемая материалами судебной практики². Кроме того, в контексте проводимого монографического исследования проблем уголовно-правовой охраны здоровья представителей власти решение о правовой оценке фактов введения в организм потерпевшего против или помимо его воли сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ в качестве насилия, опасного либо не опасного для жизни или здоровья, видится наиболее оптимальным.

Примечательно, что в юридической литературе высказано мнение, согласно которому насилие в отношении представителя власти может образовывать факт уничтожения или повреждения его одежды³.

По нашему мнению, такое утверждение принципиально не верно, поскольку, как неоднократно уже подчеркивалось, обязательным дополнительным непосредственным объектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) выступают общественные отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность и здоровье человека. В результате же уничтожения или повреждения одежды представителя власти указанные общественные отношения не нарушаются. Другое дело, когда одежда представителя власти повреждается в результате применения к нему насилия, хотя и в этом случае данный факт не имеет уголовно-правового значения.

¹ Базаров Р.А. Социально-криминологическая и уголовно-правовая характеристика общественно опасных насильственных деяний. Челябинск, 1997. С. 53–57; Панов Н.И. Квалификация насильственных преступлений. Харьков, 1986. С. 18 и др.

² Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 52–72.

³ Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 110–112.

Таким образом, применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких в связи с осуществлением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ) подразумевает под собой:

1) нанесение побоев;

2) совершение иных насильственных действий (однократный удар, щипание, сечение, воздействие термическими, химическими и т.п. факторами, введение в организм сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, не представляющих опасности для жизни или здоровья), причиняющих физическую боль;

3) ограничение свободы, не представляющее опасности для жизни или здоровья.

При этом обязательным условием квалификации содеянного как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ), является отсутствие фактически причиненного вреда здоровью (легкого, средней тяжести или тяжкого). Вместе с тем истязание представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, хотя и не причинившее вред здоровью, не может рассматриваться в качестве насилия, не опасного для жизни или здоровья, ввиду его повышенной общественной опасности, достигающей уровня насилия, опасного для жизни или здоровья.

Второй формой выражения объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, в законе закреплена угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Взгляды на категорию «угроза» в отечественном уголовном праве зачастую не характеризуются единообразием. Так, по мнению И.Я. Фойницкого, угроза представляет собой воздействие на психику потерпевшего, возбуждение в нем страха и, как правило, принуждение к определенным действиям или бездействию¹.

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1900. С. 84–86. Подобной точки зрения придерживается ряд авторов: Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 1972. С. 12; Костров Г.К. Уголовно-

Как проявление умысла рассматривает угрозу М.Д. Шаргородский, соглашаясь при этом с тем, что угроза может представлять значительную общественную опасность, чем и обусловлена криминализация угрозы¹. Во многом разделяет мнение данного автора Э.Ф. Побегайло, утверждающий, что сущность угрозы заключается в выражении вонне умысла на совершение преступления, угроза является психическим насилием².

В.Н. Кудрявцев считает, что угроза, в частности убийством, относится к числу преступлений, создающих реальную возможность наступления вреда³.

А.А. Крашенинников характеризует угрозу как «способ нарушения психической неприкосновенности личности»⁴.

Угрозу в интересующем нас аспекте О.И. Коростылев понимает как «воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общества в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления»⁵.

«Под угрозой следует понимать психическое насилие (прямое и опосредованное), – пишет М.В. Хабарова, – реализуемое через информацию о намерении совершить в отношении потерпевшего или близких ему лиц немедленно либо в будущем общественно опасные действия»⁶.

Учитывая существующие теоретические разработки понятия угрозы, а также результаты анализа материалов судебно-следственной практики, представляется возможным определить угрозу в уголовном праве как разновидность психического наси-

правовое значение угрозы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 12; Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 11 и др.

¹ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 250–252.

² Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 625.

³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 151.

⁴ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск: УлГУ, 2002. С. 16.

⁵ Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы : монография. Ставрополь: СФ КА МВД России, 2005. С. 37–38.

⁶ Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 8.

лия, состоящего в выражении вопреки намерения причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Данная дефиниция вызвала одобрение 59 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

В преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 318 УК РФ, криминализована лишь угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с осуществлением им своих должностных обязанностей. Способы передачи информации об угрозе применения насилия могут быть разнообразными, например, устно, письменно, конклюдентно (с помощью знаков, жестов, символов), однако на квалификацию содеянного способ выражения угрозы не влияет. Важно установить, что угроза применения насилия была объективирована, то есть каким-либо образом оглашена и стала известной потерпевшему.

Следует отметить, что содержание угрозы в уголовном законе (ч. 1 ст. 318 УК РФ) не конкретизировано, поэтому это может быть угроза убийством, причинением любого по тяжести вреда здоровью, побоями. Вместе с тем отдельными авторами высказывается иная позиция, согласно которой «в случае угрозы убийством в отношении представителя власти виновный по смыслу закона должен нести ответственность в рамках ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»)¹.

По нашему мнению, с таким утверждением согласиться сложно, поскольку оно неоправданно ограничительно толкует уголовно-правовую норму об ответственности за угрозу применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ).

Вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что убийство – это проявление физического насилия.

Кроме того, о понимании угрозы насилия как угрозы любым видом физического насилия свидетельствуют материалы судебной практики. Так, Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворив протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ, пе-

¹ Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь: СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 62.; Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 160.

реквалифицировал действия осужденного гражданина Т. со ст. 317 УК РФ на ч. 1 ст. 318 УК РФ. Как свидетельствуют материалы уголовного дела, гражданин Т. угрожал участковому инспектору В. убийством, держа в руке нож. При этом он пытался приблизиться к нему. В ходе умелых действий В. удалось обезоружить Т.

Суд при квалификации действий гражданина Т. по ст. 317 УК РФ не обосновал в приговоре свой вывод о наличии в действиях гражданина Т. прямого умысла на убийство В., при этом осужденный Т. утверждал, что «умысла на убийство участкового инспектора В. не имел и ножом на него не замахивался». В своих показаниях на суде потерпевший В. заявил, что «он (В.) сразу выбил нож у Т., не дав ему возможности замахнуться».

Президиум Верховного Суда РФ согласился с доводами протеста в том, что поскольку вид угрозы в законе не конкретизирован, то это может быть как угроза нанесения побоев, так и угроза убийством, а равно угроза насилия неопределенного характера, что и имело место в данном конкретном случае. Именно поэтому действия гражданина Т. в отношении В. охватываются диспозицией ч. 1 ст. 318 УК РФ как угроза применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих служебных обязанностей¹.

Подавляющее большинство авторов, исследовавших признаки угрозы применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ), утверждают, что уголовно-правовое значение имеет исключительно угроза, обладающая признаком реальности, или иначе угроза, характеризующаяся наличием оснований ее осуществления. В качестве аргумента приводится довод о том, что угроза только тогда может нарушить нормальную деятельность представителей власти, когда она способна вызвать убежденность в ее осуществимости².

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 86п2000 по делу Толкачева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9. С. 8.

² Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Преступления против порядка управления. М., 1969. С. 55; Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 135; Яковлева С.А.

Обращаясь к тексту диспозиции уголовно-правовой нормы об ответственности за угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ), видим, что в отличие от общей уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), где прямо указывается на такой признак, как «наличие оснований опасаться осуществления угрозы», в ч. 1 ст. 318 УК РФ данный признак отсутствует. Поэтому правоприменитель закономерно сталкивается с вопросом о необходимости установления признака реальности угрозы при квалификации содеянного по ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Проведенное исследование материалов судебной практики показало, что по данной проблеме отсутствуют четкие и однозначные разъяснения. При этом следует отметить, что в УК РФ имеется более специальная по отношению к ч. 1 ст. 318 УК РФ уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ). Интерес же представляет одно из опубликованных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Так, Ф. признана виновной в угрозе убийством судьям Верховного Суда Республики Алтай С., Н., Б. и С. в связи с их служебной деятельностью. Ф. в своих показаниях не отрицала своих угроз убийством судьям Верховного Суда Республики Алтай С.,

Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 158; Кизилов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 115; Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 117 и др. Схожей позиции придерживаются и авторы, исследовавшие признаки угрозы в составах преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ (Угроза в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования). См.: Агузаров Т.К. Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей : монография. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 74; Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 115 и др.

Н., Б. и С. с целью добиться изменения судебных решений по гражданско-правовым спорам, состоявшимся в отношении нее, что доказывает ее вину. Она направляла в различные инстанции, в том числе в Государственную Думу Федерального Собрания, органы местного самоуправления и местную печать письма с угрозой в адрес судей, обращалась в газету «Звезда Алтая» (оплатив денежный перевод стоимости публикации) с просьбой опубликовать объявление для подыскания с этой целью киллера. Данный факт подтвердили свидетели (родственники и соседи осужденной), а также сами потерпевшие С., Н., Б. и С., которые знали, что Ф. угрожала им убийством в случае, если судебные решения в отношении нее не будут изменены. Все это подтверждает вину Ф. Об этом свидетельствуют и находящиеся в материалах дела письменные обращения Ф. в различные инстанции.

Суд, оценив всю совокупность доказательств, признал Ф. виновной в содеянном и дал правильную юридическую оценку ее действиям, при этом пояснив, что уголовная ответственность виновного лица по ч. 1 ст. 176² УК РСФСР (аналог ныне действующей ч. 1 ст. 296 УК РФ) может наступить при высказывании угрозы, в частности убийством, в связи с рассмотрением дела судьей, народным заседателем или присяжным заседателем с целью мести им или воздействия на них, чтобы были приняты решения, в которых заинтересовано данное лицо. При этом не имеет значения, в какой форме высказана такая угроза (устно или письменно), непосредственно судье или через посредников (как это было по данному делу)¹.

Анализ данного определения суда демонстрирует, что вопрос о реальности высказываемых Ф. угроз по существу не исследовался. Судом не выяснялось, как относились потерпевшие к угрозам, имелись ли у них основания опасаться осуществления угрозы, была у виновной возможность реализовать угрозы и т. д. При этом, на наш взгляд, в приведенном примере угрозу убийством сложно признать реальной, поскольку отсутствовали основания опасаться осуществления угрозы. Более того, поведение Ф.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 марта 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12. С. 4–5.

являлось исключительно «показным», так как она сообщала о своих угрозах в различные инстанции, распространялась об этом широкому кругу лиц. Тем не менее, действия Ф., по нашему мнению, причинили психике потерпевших вред, поскольку наверняка вызвали переживания, обусловленные ее противоправными действиями.

В этой связи целесообразно отметить, что в теории уголовного права все же бытует точка зрения, согласно которой признак реальности угрозы не характерен для квалификации по специальным нормам, предусматривающим уголовную ответственность за угрозы. Так, С.Н. Тулин считает, что ввиду приоритетной охраны лиц, осуществляющих служебную деятельность (представителей власти), угроза обладает высоким уровнем общественной опасности даже при отсутствии оснований опасаться ее исполнения¹. Подобную позицию высказал и Б.С. Райкес применительно к составу угрозы в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ), который отмечает: «...именно потому, что перечисленные в ст. 296 УК РФ угрозы посягают на нормальное осуществление правосудия, законодатель предусмотрел ответственность за них независимо от того, насколько они реальны. В связи со сказанным степень реальности угрозы может и должна учитываться не при определении наличия в действиях виновного признаков состава преступления, а при индивидуализации наказания»².

В определенной взаимосвязи с вышеизложенным состоит и обоснованный П.Н. Левиным тезис о том, что «обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, является приведение потерпевшего в состояние опасения за свою жизнь или здоровье». По мнению данного автора, «если имелись объективные основания опасаться осуществления угрозы, но потерпевший, тем не менее, не приведен в состояние опасения за

¹ Тулин С.Н. Осуществление лицом служебной деятельности и выполнение общественного долга как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 112.

² Преступления против правосудия / под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 77.

свои жизнь или здоровье, состав оконченного преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, отсутствует»¹.

На наш взгляд, П.Н. Левин вполне справедливо отмечает, что преваляющим основанием для наступления уголовной ответственности за угрозу является не факт наличия оснований опасаться ее осуществления, а факт приведения потерпевшего в состояние опасения за свои жизнь или здоровье. Это предопределено тем, что о наличии оснований опасаться осуществления угрозы свидетельствуют, прежде всего, «обстановка деяния; взаимоотношения виновного и потерпевшего; направленность, содержание и интенсивность угрозы; обстоятельства, характеризующие виновного и потерпевшего и др.»². Иными словами, формулировка «наличие оснований опасаться осуществления угрозы», которую в уголовном праве именуют реальностью угрозы, основана, главным образом, на учете объективных факторов. Однако, как представляется, уголовным законом запрещены угрозы не столько в целях предотвращения объективных возможностей реализации угроз, сколько в целях охраны здоровья человека от состояния опасения преступной угрозы³.

Кроме того, если при решении вопроса о квалификации содеянного по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», как правило, существуют возможности для детального анализа обстановки деяния, взаимоотношений виновного и потерпевшего, направленности, содержания и интенсивности угрозы, обстоятельств, характеризующих виновного и потерпевшего, которые в совокупности могут свидетельствовать о наличии оснований опасаться осуществления угрозы, то применительно к исследуемому нами преступлению это предельно затруднено, а порой и не имеет смысла.

Необходимо учитывать, что при высказывании угрозы насилем в отношении представителя власти или его близких в связи

¹ Левин П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19.

² Левин П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С.19.

³ Шарапов Р.Д. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79–80.

с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ) виновный и потерпевший могли не находиться в каких-либо взаимоотношениях. Как показывает анализ материалов судебно-следственной практики, виновный и потерпевший по уголовным делам, возбужденным по ч. 1 ст. 318 УК РФ (по признаку угрозы насилием), в большинстве случаев ранее знакомы не были (в 71 % случаев), какими-либо сведениями друг о друге не обладали. В этой связи следует вывод о том, что установление наличия оснований опасаться осуществления угрозы применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) во многих случаях не представляется возможным. В противном случае, учитывая, например, только обстановку, содержание и интенсивность угрозы для признания ее реальной, правоприменителю будет предельно затруднительно отграничить преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ (угрозу насилием), от действий, непосредственно направленных на применение насилия, то есть покушения на применение насилия или посягательства на жизнь.

Таким образом, наличие оснований опасаться осуществления угрозы, или иначе реальность угрозы, не является обязательным признаком угрозы применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ). Данный вывод нашел поддержку 57 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

Вместе с тем сказанное отнюдь не означает, что любая угроза, высказанная в адрес представителя власти, образует состав преступления, регламентированный ч. 1 ст. 318 УК РФ. При квалификации деяния по ч. 1 ст. 318 УК РФ по признаку угрозы насилия надлежит учитывать следующие положения.

Во-первых, как известно, все элементы состава преступления взаимосвязаны и зачастую взаимообусловлены. Не является исключением и объективная сторона, которую необходимо рассматривать через призму объекта преступления, то есть конкретное деяние представляется возможным признать выражением объективной стороны преступления только в том случае, когда деяние нарушает объект данного преступления. Следовательно, угроза насилием в отношении представителя власти может быть

квалифицирована по ч. 1 ст. 318 УК РФ при условии, что данным деянием нарушены два непосредственных объекта – общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления, и общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека.

Во-вторых, выработанное понимание угрозы свидетельствует о том, что угроза, имеющая уголовно-правовое значение, – это всегда психическое насилие. В свою очередь насилие – это деяние вредоносное, в данном случае, говоря о психическом насилии, мы подразумеваем определенный психический вред здоровью человека.

В этой связи угроза насилием в отношении представителя власти или его близких может быть квалифицирована по ч. 1 ст. 318 УК РФ лишь в том случае, когда данное деяние причиняет определенный психический вред представителю власти, например, в виде состояния опасения угрозы (страх, переживания). Причем установление такого вреда должно производиться с учетом как объективных, так и субъективных сведений (восприятие потерпевшим), в том числе с использованием возможностей судебно-психологической экспертизы¹.

Моментом окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, является момент применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, например, момент нанесения побоев либо однократного удара. В случае совершения исследуемого преступления путем угрозы применения насилия его следует считать оконченным с момента доведения информации об угрозе до потерпевшего, вызвавшей у него состояние опасения (переживания).

Очевидно, что если угроза применения насилия не доведена до сведения адресата либо воспринимается потерпевшим психологически нейтрально, не вызывает у него переживаний, а умыслом виновного охватывалось причинение такого психического вреда, то содеянное может быть квалифицировано как покушение на угрозу применения насилия в отношении представителя вла-

¹ Мамайчук И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике. СПб., 2002. С. 69, 96–107.

сти (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 318 УК РФ). Теоретически не исключается и ситуация, когда содеянное может быть квалифицировано в качестве покушения на применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 318 УК РФ). Это возможно в случае начала виновным действий, непосредственно направленных на применение насилия, однако прерванных по независящим от него обстоятельствам: к примеру, виновный замахивается, но кто-либо мешает ему нанести удар.

Таким образом, под угрозой в ч. 1 ст. 318 УК РФ необходимо понимать разновидность психического насилия, состоящего в выражении вовне намерения причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Содержание данной угрозы может составлять любой вид физического насилия, включая убийство. Наличие оснований опасаться осуществления угрозы, или реальности угрозы, не является обязательным признаком угрозы применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ), однако ответственность по указанной уголовно-правовой норме наступает лишь в случае причинения угрозой потерпевшему определенного психического вреда, например, в виде состояния опасения, устанавливаемого по совокупности объективных и субъективных данных.

Состав преступления, установленный ч. 2 ст. 318 УК РФ, отличается иной формой выражения объективной стороны, которая закреплена в уголовном законе следующим образом: применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении тех же потерпевших. Следует отметить, что названная форма, а именно «применение насилия, опасного для жизни или здоровья», в нормах российского уголовного законодательства встречается часто, но ее законодательное определение в УК РФ отсутствует.

В теории уголовного права под насилием, опасным для жизни или здоровья, зачастую понимают «насилие, причинившее вред здоровью любой тяжести либо создавшее реальную опасность причинения такого вреда»¹.

¹ Кизиллов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности пред-

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» предлагает применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ «Разбой», рассматривать под насилием, опасным для жизни или здоровья, такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

К данному виду насилия также следует относить и такое насилие, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья, в том числе и ограничение свободы, создающее опасность для жизни или здоровья¹.

При квалификации насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти у правоприменителей возникает вопрос об отграничении данного вида насилия от насилия, не опасного для жизни или здоровья, которое охватывает нанесение побоев, ограничение свободы, например, связывание, содержание в закрытом помещении и иное, причинение потерпевшему физической боли и пр. Кроме того, особое внимание должно уделяться установлению последствий, которые положены в основу общественной опасности деяния, а именно вида причиненного вреда здоровью, определение которого осуществляется в соответствии с Медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека².

Как утверждают некоторые авторы, без констатации указанных последствий или опасности их наступления невозможно квалифицировать содеянное как применение насилия, опасного для

ставителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 129.

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (с изм. от 23 декабря 2010 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 5. П. 21.

² Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 35. Ст. 4308.

жизни или здоровья, в отношении представителя власти (ч. 2 ст. 318 УК РФ)¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что законодатель при наличии ряда уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за причинение вреда здоровью (ст. ст. 111, 112, 115 УК РФ), при конструировании нормы об ответственности за причинение вреда здоровью представителю власти или его близким в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 2 ст. 318 УК РФ) выделил данный признак с целью ужесточения ответственности виновных за посягательство на представителя власти или его близких. Более того, указанное преступление считается оконченным как в случае причинения вреда здоровью, так и в случае совершения действий, направленных на причинение вреда здоровью, хотя и не причинивших данных последствий, но создавших опасность для жизни или здоровья представителя власти или его близких.

Некоторые авторы, рассматривая особенности квалификации насилия, опасного для жизни и здоровья, приходят к выводу о том, что таковым следует считать насилие, сопряженное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и всегда квалифицировать как насилие, опасное для жизни или здоровья².

Вместе с тем существуют и иные мнения. Так, например, А.Ю. Кизилев, опираясь на судебную практику, утверждает обратное³. Действительно применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, всегда представляет собой насилие, опасное для жизни или здоровья, но при квалификации содеянного все же следует тщательно исследовать опасность (угрозу) для жизни или здоровья, созданную определенными действиями виновного, с учетом всей совокупности фактических обстоя-

¹ Кисиев С.В. Понятие представителей власти в уголовном праве // Сб. науч. тр. Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2007. Вып 5.

² Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 110–112.

³ Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 128–129.

тельств конкретного уголовного дела. Такой вывод подтверждается и материалами судебной практики¹.

Вышеизложенное позволяет нам констатировать, что любой вред здоровью, причиненный в ходе применения насилия, позволяет квалифицировать общественно опасное деяние по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Однако в доктрине уголовного права и судебно-следственной практике имеется ряд проблем, связанных с определением объема насилия, охватываемого исследуемым преступлением и его совокупностью с преступлениями против здоровья человека.

Так, анализ юридической литературы позволил прийти к выводу о том, что большинство исследователей склонны считать, что легкий и средней тяжести вред здоровью охватывается ч. 2 ст. 318 УК РФ², а что касается тяжкого вреда здоровью, то здесь имеются некоторые разногласия. Так, например, ряд авторов, ссылаясь на материалы Пленума Верховного Суда РФ³, придерживаются мнения, согласно которому при посягательстве на представителя власти или его близких и умышленном причинении им тяжкого вреда здоровью действия виновного подлежат квалифицировать по ч. 2 ст. 318 и по ст. 111 УК РФ⁴.

Но судебная практика идет вразрез с их мнением. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указано, что в случае умышленного причинения потер-

¹ Постановление № 275п2000пр по делу Кокорина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1. С. 10.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 654–655; Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 737; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. С. 740 и др.

³ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 5.

⁴ Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. С. 961; Уголовное право России. Практический курс : учебник / [Р.А. Адельханян, Д.И. Аминов, А.В. Боков и др.]; под общ. ред. Р.А. Адельханяна; под науч. ред. А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 664.

певшему тяжкого вреда здоровью при осуждении виновного по ч. 2 ст. 318 УК РФ дополнительной квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ не требуется. Данный подход обосновывается тем, что, во-первых, под насилием, указанным в ч. 2 ст. 318 УК РФ, понимается причинение вреда здоровью любой тяжести, в том числе и причинение тяжкого вреда здоровью.

Во-вторых, санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ (применение насилия, опасного для жизни или здоровья представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей или его близким) установлена более тяжкая, чем санкция п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности)¹.

Вместе с тем данный вывод Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ сегодня, как нам представляется, устарел, поскольку санкции по ч. 2 ст. 111 и ч. 2 ст. 318 УК РФ идентичны – лишение свободы на срок до десяти лет. Как видно, верхние пределы санкций указанных уголовно-правовых норм совпадают. Но тогда как квалифицировать содеянное?

Некоторые авторы в этой связи пишут, что «в настоящее время Верховным Судом РФ рекомендовано нижестоящим судам исходить из того, что если санкция за насильственные действия в отношении представителя власти является более мягкой, чем санкция за аналогичное преступное посягательство на личность, то действия виновного надлежит квалифицировать по совокупности преступлений – по ст. 318 УК РФ и соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности»².

По их мнению, это «противоречит ч. 3 ст. 17 УК РФ, которая запрещает квалифицировать действия виновного лица по совокупности преступлений, когда фактически совокупность отсутствует» и «...явно нарушает ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой никто не может нести уголовную ответственность дважды за од-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 44-099-89 по делу Зубарева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 14.

² Кравцова О.В., Блинова-Сычкарь И.В., Дмитриенко С.А. Представитель власти как потерпевший от преступления / О. В. Кравцова, // Молодой ученый. 2014. №2. С. 586.

но и то же деяние», а «при наличии конкуренции норм вопрос квалификации должен решаться в пользу специальной нормы – ст. 318 УК РФ, независимо от санкций преступлений»¹. Далее авторы рассуждают следующим образом, «если санкция специальной нормы является менее строгой, чем санкция общей нормы, то это свидетельствует не об обязательном наличии совокупности преступлений, а о несовершенстве логической конструкции специальной нормы и несогласованности ее содержания с общей нормой, что, в свою очередь, указывает на необходимость внесения изменений в УК РФ в части увеличения санкции специального состава преступления»².

Следует согласиться с данной позицией авторов, что позволит избежать ошибок при квалификации насилия в отношении представителя власти.

Завершая анализ объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, представляется необходимым сделать основные выводы:

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких (ч. 1 ст. 318 УК РФ) подразумевает под собой:

а) нанесение побоев;

б) совершение иных насильственных действий (однократный удар, щипание, сечение, воздействие термическими, химическими и т.п. факторами, введение в организм сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, не представляющих опасности для жизни или здоровья), причиняющих физическую боль;

в) ограничение свободы, не представляющее опасности для жизни или здоровья.

2. Обязательным условием квалификации содеянного как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ), является отсутствие фактически причиненного вреда здоровью (легкого, средней тяжести или тяжкого). Вместе с тем истязание представителя власти или его близких в связи с

¹ Кравцова О.В., Блинова-Сычкарь И.В., Дмитриенко С.А. Указ. соч. С.586.

² Кравцова О.В., Блинова-Сычкарь И.В., Дмитриенко С.А. Там же. С. 586.

исполнением им своих должностных обязанностей, хотя и не причинившее вред здоровью, не может рассматриваться в качестве насилия, не опасного для жизни или здоровья, ввиду его повышенной общественной опасности, достигающей уровня насилия, опасного для жизни или здоровья.

3. Под угрозой в ч. 1 ст. 318 УК РФ необходимо понимать разновидность психического насилия, состоящего в выражении вонне намерения причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Содержание данной угрозы может составлять любой вид физического насилия, включая убийство. Наличие оснований опасаться осуществления угрозы, или реальности угрозы, не является обязательным признаком угрозы применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ), однако ответственность по указанной уголовно-правовой норме наступает лишь в случае причинения угрозой потерпевшему определенного психического вреда, например, в виде состояния опасения, устанавливаемому по совокупности объективных и субъективных данных.

4. Моментом окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, является момент применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. В случае совершения исследуемого преступления путем угрозы применения насилия его следует считать оконченным с момента доведения информации об угрозе до потерпевшего, вызвавшей у него состояние опасения, переживания.

5. Насилие в отношении представителя власти или его близких признается опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ) в случае:

а) если причинен вред здоровью (легкий, средний или тяжкий);

б) при применении насилия вред здоровью не был причинен, однако насилие представляло опасность для жизни или здоровья в момент его применения;

в) деяние образует признаки истязания;

г) потерпевший был ограничен в свободе, что создавало опасность для его жизни или здоровья вне зависимости от наступивших последствий.

6. При квалификации насилия в отношении представителя власти следует исходить не из сравнения санкций соответствующих статей УК РФ, а из фактического наличия или отсутствия совокупности преступлений и в случае отсутствия совокупности решать вопрос по правилам конкуренции общей и специальной норм.

7. Преступление, регламентированное ч. 2 ст. 318 УК РФ, окончено с момента совершения действий, причинивших вред здоровью или хотя бы создавших опасность для жизни или здоровья представителя власти (его близких), либо с момента истязания потерпевшего.

Субъективные признаки применения насилия в отношении представителя власти.

В доктрине уголовного права к группе субъективных признаков состава преступления принято относить субъект и субъективную сторону.

Перед тем как приступить к анализу признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», целесообразно определить, что необходимо понимать под категорией «субъект преступления» в уголовном праве.

В юридической литературе субъектом преступления признается лицо, совершившее общественно опасное деяние и обладающее закрепленными в уголовном законе признаками¹. Согласно ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» к числу таких признаков законом отнесены: 1) физическое лицо; 2) вменяемость; 3) возраст.

Итак, что касается первого признака субъекта преступления, то применительно к составу применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) он является само собой разумеющимся. Очевидно, что совершить данное преступление

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 191; Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: монография. СПб.: Изд-во «Лань», Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. С. 20 и др.

может только физическое лицо, по нашему мнению, возможность его совершения юридическим лицом исключена.

Под вменяемостью как признаком субъекта преступления понимается способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Несмотря на то, что данная дефиниция отсутствует в УК РФ, она логически следует из определения невменяемости, предусмотренного ч. 1 ст. 21 УК РФ «Невменяемость». При этом А.Г. Кибальник на основе изучения международных нормативно-правовых актов отмечает, что в российском уголовном праве должна признаваться презумпция вменяемости. Суть названной презумпции состоит в том, что «любой человек, достигший возраста уголовной ответственности, считается вменяемым, то есть понимающим характер своих действий (бездействия) и руководящим ими, пока не доказано обратное»¹.

Возраст как признак субъекта преступления понимается в узком и широком смысле. В первом случае Р.И. Михеев «под возрастом подразумевает календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а во втором случае – указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения»².

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Однако обозначенная возрастная граница является общим возрастом уголовной ответственности. За ряд преступлений, закрепленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность наступает по достижению лицом ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ, в указанном перечне отсутствует, поэтому уголовная ответственность по ст. 318 УК РФ

¹ Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 24.

² Цит. по: Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: монография. СПб. : Изд-во «Лань», Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. С. 23.

наступает лишь по достижению лицом ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Одновременно, помимо прочих уголовно-правовых норм в перечне, установленном ч. 2 ст. 20 УК РФ, имеются ст. 111 и ст. 112 УК РФ. Это означает, что здоровье представителей власти определенным образом охраняется и от действий лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Вернее, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие четырнадцати, но не достигшие шестнадцати лет, за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей в случае, если насилие было сопряжено с умышленным причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Однако ответственность в данной ситуации будет наступать по п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности» либо по п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности»¹.

Стоит отметить, что, на наш взгляд, в уголовном законе вполне справедливо установлен шестнадцатилетний возраст ответственности за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), равно как и за другие преступления против порядка управления, против правосудия и т.п. Это связано, прежде всего, с тем, что исследуемое преступление, как мы указывали выше, посягает одновременно на два объекта. Причем, если общественная опасность и противоправность нарушения общественных отношений, обеспечивающих здоровье человека, понятна и доступна подростку уже в возрасте четырнадцати лет, то общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления,

¹ Уголовное право РФ : учебник. В 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. Т. 2. Особенная часть. С. 396.

вряд ли могут быть оценены лицом должным образом до достижения им шестнадцатилетнего возраста¹.

Какие-либо дополнительные признаки субъекта на квалификацию содеянного по ст. 318 УК РФ не влияют.

Таким образом, субъектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Уголовно-правовая охрана здоровья представителей власти от общественно опасных действий лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет осуществляется посредством уголовно-правовых запретов на умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в связи с осуществлением данными лицами служебной деятельности (п. «а» ч. 2 ст. 111 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

Заключительным, четвертым элементом состава любого преступления является его субъективная сторона. В теории уголовного права под субъективной стороной принято понимать психическую деятельность лица, связанную с совершением им преступления². Субъективная сторона преступления характеризуется единственным обязательным признаком – виной и тремя факультативными (необязательными) признаками – мотивом, целью и эмоциями (эмоциональной составляющей).

В свою очередь вина в уголовном праве определяется как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию. В соответствии с ч. 1 ст. 24 УК РФ «Формы вины» виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. При этом за неосторожное деяние лицо подлежит уголовной ответственности только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 24 УК РФ).

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 194.

² Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 40; Акоев К.Л., Пинкевич Т.В. Уголовное право России (Общая и Особенная части): учебное пособие. Ставрополь : Сервисшкола, 2000. С. 35.

В тексте ст. 318 УК РФ отсутствует указание на неосторожную форму вины при совершении рассматриваемого деяния, это позволяет нам утверждать, что данное преступление характеризуется исключительно умышленной формой вины. И это не безосновательно, поскольку в доктрине уголовного права большая часть авторов склонна считать, что насилие является деянием умышленным¹.

Свидетельством возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, лишь умышленно является сама формулировка исследуемой уголовно-правовой нормы: применение насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. По этому поводу следует привести слова В.Н. Кудрявцева: «субъективная сторона преступления, говоря в самой общей форме, представляет собою отражение (возможность отражения) в сознании субъекта объективных признаков содеянного и характеризует отношение к ним субъекта»². Субъективная сторона непосредственно взаимосвязана с объектом и объективной стороной преступления³.

В российском уголовном законе закреплены два вида умысла: прямой и косвенный (ч. 1 ст. 25 УК РФ). Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Косвенный умысел налицо в том случае, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных по-

¹ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.П. Щербы. М. : ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2002. С. 22; Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 230–231; Благоев Е.В. Квалификация при совершении преступлений: монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 28 и др.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2006. С. 147.

³ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 40.

следствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

При этом очевидно, что к преступлениям с формальным составом, для которых характерно наличие только общественно опасного деяния, обозначенные формулировки прямого и косвенного умысла неприменимы. В этой связи в теории и практике уголовного права достаточно прочно укоренилось мнение о том, что «в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)»¹. Иными словами, указание на «желание» переносится с общественно опасных последствий на деяние. «Нежелание», отражающее волевой момент косвенного умысла, в данном случае невозможно, так как немислимо совершать действия (бездействия), осознавая их общественную опасность и не желать так поступать. Поэтому, по общему правилу, преступления с формальным составом могут быть совершены только с прямым умыслом².

В уголовно-правовой литературе распространена точка зрения, в соответствии с которой применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) может быть совершено только с прямым умыслом³. Однако, по нашему мнению, целесообразно проанализировать вину применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 1 и 2 ст. 318 УК РФ отдельно, поскольку они отличаются различным выражением объективной стороны.

Итак, при применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких, совершенного с прямым умыслом, виновный осознает общественную опасность таких действий, понимая при этом, что они не причинят вреда здоровью, и желает действовать таким образом. Например, нанося представителю власти или его близким удар, виновный осознает, что применяет насилие, не опасное для жиз-

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 67; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3. С. 21–22.

² Рарог А.И. Указ. соч. С. 68.

³ Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 118–119.

ни или здоровья, сопровождающееся физической болью. В данном случае субъект не может не желать совершения своих действий, что исключает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом.

Вместе с тем в случае совершения преступления, регламентированного ч. 1 ст. 318 УК РФ, путем угрозы применения насилия для наличия оконченного состава преступления требуется, чтобы угроза была доведена до сведения представителя власти и вызвала у него состояние опасения, переживания. В этой связи при прямом умысле виновный осознает общественную опасность выраженной угрозы, предвидит возможность или неизбежность доведения ее до адресата, сопровождающегося психическим вредом потерпевшему, и желает, чтобы угроза была доведена до сведения представителя власти и вызвала у него состояние опасения, переживания.

Одновременно вышеизложенное позволяет утверждать о возможности совершения угрозы применения насилия в отношении представителя власти и с косвенным умыслом. Это возможно в ситуации, когда субъект осознает общественную опасность выражения угрозы, предвидит возможность доведения ее до адресата, сопровождающегося психическим вредом потерпевшему, не желает, но сознательно допускает или безразлично относится к возможности доведения угрозы до сведения представителя власти и возникновения у него состояния опасения, переживаний.

Более сложно обстоят дела с установлением вида умысла в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 318 УК РФ, поскольку далеко не все авторы разделяют позицию, согласно которой применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти может быть совершено только с прямым умыслом.

Так, А.Ю. Кизиллов и С.А. Яковлева считают, что применение насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ), может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом¹. В качестве обоснования своей позиции авторы ссыла-

¹ Кизиллов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 129; Яковлева С.А.

ются на то, что законодательное описание насилия в ч. 2 ст. 318 УК РФ подразумевает возможность наличия в составе данного преступления последствий.

Однако, на наш взгляд, представленная позиция является дискуссионной, так как, хотя возможный фактический вред здоровью и может быть причинен и с прямым, и с косвенным умыслом, само насилие, определяемое в уголовном законе как опасное для жизни или здоровья, совершается исключительно с прямым умыслом. Виновный, применяя названное насилие, понимает, что своими действиями причиняет вред здоровью, истязает потерпевшего либо ставит его жизнь или здоровье или его близких в опасное состояние. Правоприменителю надлежит установить, что субъект осознавал общественную опасность своих действий, состоящих в насилии, опасном для жизни или здоровья, и желал действовать таким образом. Желание либо нежелание виновного относительно наступления вреда здоровью потерпевшего или его близких квалифицирующего значения не имеет. Иными словами, причинение вреда здоровью в исследуемой ситуации находится как бы за рамками состава применения насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких (ч. 2 ст. 318 УК РФ), поэтому и волевое отношение виновного к данным последствиям может иметь квалифицирующее значение лишь при дополнительной уголовно-правовой оценке содеянного.

Желание наступления последствий в виде вреда здоровью потерпевшего в исследуемом преступлении необходимо отличать от направленности умысла виновного, которую правоприменитель должен выявить при квалификации содеянного по ч. 2 ст. 318 УК РФ.

Как справедливо указывает А.И. Рарог, «под направленностью умысла понимается мобилизация интеллектуально-волевых усилий виновного на совершение деяния, посягающего на определенный объект, совершаемого определенным способом, причи-

Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 162.

няющего конкретные последствия, характеризующегося наличием определенных смягчающих и отягчающих обстоятельств»¹.

В изучаемом преступлении «действия, в которых воплощен характер общественной опасности этого преступления»² образуют насилие, опасное для жизни или здоровья. Умысел виновного в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, направлен именно на создание опасности для жизни или здоровья представителя власти или его близких.

Таким образом, умысел при применении насилия, опасного и не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких (ст. 318 УК РФ) может быть только прямым. При этом угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких (ч. 1 ст. 318 УК РФ) может быть совершена как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Обязательным условием ответственности по ст. 318 УК РФ является связь примененного насилия с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, что прямо закреплено в тексте диспозиции ч. 1 ст. 318 УК РФ. Такая связь обнаруживается посредством установления специального мотива рассматриваемого преступления.

В доктрине уголовного права мотивом преступления принято считать «побуждение, под влиянием которого лицо совершает преступление»³. Формулировка «в связи с исполнением им своих должностных обязанностей», содержащаяся в ч. 1 ст. 318 УК РФ, обязывает правоприменителя выяснять, почему совершен акт насилия в отношении представителя власти или его близких. Иными словами, подлежит установлению то побуждение, которое вызвало у субъекта решимость совершить общественно опасное деяние, то есть мотив преступления.

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 68.

² Рарог А.И. Указ. соч. С. 73.

³ Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 122. См. также: Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И.Я. Козаченко и д-р юрид. наук, проф. З.А. Незнамова. М. : Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. С. 201 и др.

Здесь уместно привести слова А.Ю. Кизилова, который верно отмечает, что «умысел на совершение насильственных действий в отношении представителя власти вызван у виновного упомянутой деятельностью, которая либо имела место в прошлом, либо осуществляется в настоящем, либо произойдет в будущем. Субъективный характер связи предполагает также возможность квалификации содеянного по ст. 318 УК, если посягательство совершается безотносительно к конкретной личности представителя власти, просто в силу неприязни виновного к служащим тех или иных государственных органов, сформировавшейся, скажем, под влиянием установок криминальной субкультуры»¹.

Мотив преступления, регламентированного ст. 318 УК РФ, связанный с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, является конструктивным признаком исследуемого общественно опасного деяния.

Сказанное подтверждается результатами анализа материалов уголовных дел, в том числе опубликованной судебной практики. Так, приговором Адыге-Хабльского районного народного суда Карачаево-Черкесской автономной области К. осужден по ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР (ст. 318 УК РФ).

По протесту заместителя Прокурора РСФСР, в котором ставился вопрос об отмене приговора и прекращении производства по делу в части осуждения Коблева по ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР (ст. 318 УК РФ), Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело, установила:

Шофер Адыге-Хабльской райветлечебницы К., направленный на скотный карантинный пункт вместе с работниками милиции Н. и В., прибыв в хутор Евсеевский, употребил спиртные напитки. Затем К. один сел в милицейскую машину и пытался на ней уехать на карантинный пункт, но был высажен из машины.

К., добравшись до карантинного пункта пешком, вошел в юрту, где находились прибывшие туда на машине Н. и В., и, выражаясь нецензурными словами, набросился на них, порвал у В. брюки, ударил его по лицу, причинив легкие телесные поврежде-

¹ Кизилов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 122.

ния, нанес удар Н., сломал ему палец, причинив менее тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия нашла, что К. осужден по ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР (ст. 318 УК РФ) необоснованно, поскольку уголовная ответственность по данной норме наступает за оказание сопротивления работникам милиции или народным дружинникам, соединенное с насилием или угрозой применения насилия, при исполнении этими лицами возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка.

Конфликт же между К., Н. и В., как это установлено материалами дела, возник на почве личных взаимоотношений, а не в связи со служебной деятельностью работников милиции, так как Н. и В. вытолкали К. из юрты, затем между ними возникла драка, во время которой осужденный причинил им телесные повреждения.

При таких условиях приговор в части осуждения К. по ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР (ст. 318 УК РФ) подлежит отмене, а дело в этой части прекращению за отсутствием в действиях осужденного состава преступления.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор в части осуждения К. по ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР (ст. 318 УК РФ) отменила, и дело в этой части прекратила за отсутствием состава преступления¹.

Вместе с тем при установлении обозначенного мотива применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) необходимо учитывать, что в рамках мотива, связанного с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, могут иметь место различные мотивы, более конкретизированные. Такими мотивами могут быть, например, месть представителю власти за его правомерные действия, ненависть к представителям власти и т. п.²

Следует возразить тем авторам, которые отождествляют мотив и цель преступления³. Несмотря на то, что между мотивом и

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 апреля 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1967. № 2. С. 6.

² Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 125.

³ Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении пред-

целью преступления много общего, их понятия в уголовном праве все же существенно различаются. В уголовно-правовой теории «под целью понимается идеальный образ желаемого результата действий»¹. Очевидно, что цель может быть предопределена различными мотивами.

В рамках анализируемого мотива, связанного с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, виновным могут реализовываться различные цели. Одной из наиболее распространенных целей применения насилия в отношении представителя власти или его близких (ст. 318 УК РФ) является цель воспрепятствования осуществлению представителем власти своих должностных обязанностей. Например, В., находясь в нетрезвом состоянии, сопротивляясь требованию сотрудника милиции Н. проехать в отдел милиции, нанес последнему два удара кулаком по лицу, не причинив вреда здоровью. Суд квалифицировал действия В. по ч. 1 ст. 318 УК РФ².

Следует подчеркнуть, что при определении конкретных мотива и цели применения насилия в отношении представителя власти или его близких (ст. 318 УК РФ) важно установить, что они охватываются побуждением, основанным на факте исполнения представителем власти своих должностных обязанностей. Исключительно при наличии мотива, связанного с законной деятельностью представителя власти по исполнению своих должностных обязанностей, возможна квалификация содеянного по ст. 318 УК РФ. Здесь же необходимо заметить, что именно посредством реализации данного мотива и нарушается основной непосредственный объект изучаемого преступления.

Подводя итог исследованию субъективных признаков состава применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

ставителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 153.

¹ Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : монография. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 22.

² Архив Промышленного районного суда г. Ставрополя. Уголовное дело № 2-14/01.

1. Субъектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Уголовно-правовая охрана здоровья представителей власти от общественно опасных действий лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет осуществляется посредством уголовно-правовых запретов на умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в связи с осуществлением данными лицами служебной деятельности (п. «а» ч. 2 ст. 111 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

2. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. Умысел при применении насилия, опасного и не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких может быть только прямым. При этом угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких (ч. 1 ст. 318 УК РФ) может быть совершена как с прямым, так и с косвенным умыслом.

3. Обязательным условием ответственности по ст. 318 УК РФ является установление мотива, связанного с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей.

2.2. Объективные и субъективные признаки оскорбления представителя власти

Применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) зачастую сопряжено с оскорблением представителя власти (ст. 319 УК РФ). Кроме того, данные преступления объединяет единый основной непосредственный объект – общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления; они характеризуются одинаковым потерпевшим – представителем власти; и, наконец, указанные преступления рассматриваются нами в одной группе по причине определенной смежности их дополнительных непосредственных объектов – общественные отношения, обеспечивающие здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство.

Объективные признаки оскорбления представителя власти

Учитывая изложенное, закономерным этапом нашего исследования является юридический анализ объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». При этом признаки объекта данного преступления были рассмотрены нами выше при изучении социально-юридической сущности посягательств на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти, что обуславливает необходимость рассмотрения признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) возможна в том случае, когда оно, оскорбление, осуществляется публично, а представитель власти в этот момент находится при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Таким образом, можно констатировать, что объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется публичным оскорблением представителя власти:

а) находящегося при исполнении им своих должностных обязанностей;

б) в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Учитывая результаты исследования деяния, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», следует отметить, что признак «в связи с исполнением должностных обязанностей» имеет непосредственное отношение к субъективной стороне оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), закрепляет указание на мотив этого преступления.

В.И. Даль в толковом словаре слово «оскорбить» рассматривает как «обидеть, огорчить, опечалить и раздражить словом или делом»¹.

Признак «оскорбление» в юридической литературе² всегда рассматривался применительно к ст. 130 УК РФ, которая была декриминализована³. Однако понятийный аппарат, имеющий достаточное прикладное значение, не изменился, и под оскорблением следует понимать унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Раскрывая признак «унижение чести и достоинства другого лица», большинство авторов рассматривают его как негативную, отрицательную оценку личности потерпевшего, дискредитацию ее в глазах общественности, подрывающую уважение последнего к самому себе и его престиж в глазах окружающих⁴.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. И-О. М.: АСТ, Астрель, 2004. С. 1114.

² Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 738; Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М. : Илекса, 2007. С. 961; Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 126; Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь: СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 65 и др.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (послед. изм. 28 декабря 2013 г.) // Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70103074/#block_145#ixzz3V8N0pgD4. 9. (дата обращения : 15.04.2015).

⁴ Кругликов Л.Л. Преступления против личности: текст лекций. Ярославль, 1998. С. 16; Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 133.

Следует согласиться с теми авторами, которые считают, что факт унижения чести и достоинства потерпевшего возможен лишь в том случае, когда соответствующее деяние виновного вызвало у потерпевшего отрицательную эмоциональную реакцию. В противном случае, если психика человека воспринимает какие-либо действия субъекта нейтрально, содеянное сложно назвать унижением чести и достоинства. Кроме того, термины «оскорбление», «унижение» можно рассматривать и как процесс, и как результат (наподобие термина «причинение»)¹.

Более того, при оскорблении представителя власти действия могут содержать не только отрицательную, негативную оценку личности представителя власти, но и его профессиональных, должностных или служебных качеств.

Так, по мнению А.Г. Брагиной,- «...оскорбление представителя власти заключается в негативной оценке личности представителя власти и осуществляемой им профессиональной деятельности, являющейся для виновного лица воплощением системы государственного принуждения, а не его личности в целом»².

Способ оскорбления может быть любым и на квалификацию содеянного не влияет, уголовно-правовое значение имеет унижение чести и достоинства представителя власти в неприличной форме. Такой позиции придерживается большинство авторов³.

Поэтому возникает вопрос о границах критики и оскорбления. Интерес в этой связи представляют рассуждения относительно правовой оценки критики представителей власти. Так, М.Х. Сулайманов отмечает, «если работнику милиции или народному дружиннику, иному представителю власти и обществу сделано в корректной форме, хотя и неприятной, замечание, высказана критика в его адрес, действие это не содержит состава преступления»⁴.

¹ Кисиев С.М. Объективная сторона оскорбления представителя власти (ст. 318 УК РФ) // Проблемы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 253.

² Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 39.

³ Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 61; Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 126 и др.

⁴ Сулайманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на дея-

«Если же негативная оценка представителя власти выдержана в допустимых этикетом рамках, – пишет А.Ю. Кизилев, – т.е. сделана максимально корректно, она не может рассматриваться как оскорбление (например, замечание о том, что налоговый инспектор нетрезв)»¹.

При этом некоторые авторы вполне справедливо обращают внимание на то, что обоснованная критика в корректной форме в отношении представителя власти не только не образует признаков преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, но и является социально полезной: «не все активные действия могут быть признаны оскорблением. К ним, без сомнения, не следует относить критику, которая независимо от своей формы (устной, письменной и т.д.) не должна унижать. Она направлена на пересмотр целей деятельности представителя власти, условий ее протекания, на изменение представлений о комфортном и дискомфортном состоянии и сводится не только к критике отдельной личности, но и в конечном итоге нацелена на движущие силы всего процесса осуществления порядка управления, т.е. на массовую деятельность всех представителей государственной власти»².

Следует заметить, что при решении вопроса о том, унижена ли честь и достоинство представителя власти при квалификации, содеянного по ст. 319 УК РФ, подлежит обязательному учету мнение потерпевшего³. В большей степени именно благодаря учету мнения потерпевшего представляется возможным выявить его негативную эмоциональную реакцию.

Установив факт унижения чести и достоинства представителя власти с учетом критичной оценки мнения потерпевшего, традиционно принято определять, было ли облечено унижающее действие в неприличную форму.

тельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 97.

¹ Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 134.

² Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 89.

³ Там же. С. 104–105.

В то же время применение признака «неприличная форма» не оправдано. И здесь следует согласиться с мнением Ю.В. Ганжи, который утверждает, что «можно оскорбить и в «приличной форме», ведь основа оскорбления – умаление достоинства личности, а таковое может быть совершено и в изысканно вежливой форме»¹, что дает основание рассматривать оскорбление в этом случае как унижение его чести и достоинства, при этом форма его выражения на квалификацию деяния не влияет.

Обязательным признаком оскорбления представителя власти является публичный характер действий либо высказываний, оскорбляющих представителя власти, унижающих его профессиональные качества, которые совершены в присутствии посторонних лиц независимо от их количества.

Примером может служить уголовное дело Г., который был признан виновным в том, что он в состоянии алкогольного опьянения, находясь в дежурной части медицинского вытрезвителя УВД г. Альметьевска, публично оскорбил грубой нецензурной бранью представителя власти, дежурного инспектора медицинского вытрезвителя младшего лейтенанта милиции Х. в присутствии посторонних лиц (Т. и М.). В момент оскорбления Х. оформлял учетную документацию для помещения Г. в палату вытрезвления, был в форменной одежде, то есть находился при исполнении служебных обязанностей.

Обосновывая вывод о виновности Г. в публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей, мировой судья в приговоре ссылается на показания: а) самого потерпевшего Х., который утверждал, что Г., находящийся в состоянии алкогольного опьянения, в присутствии других лиц стал оскорблять его нецензурной бранью; б) свидетелей М. и Т., подтвердивших указанное обстоятельство; в) самого Г. об оскорблении им нецензурной бранью сотрудника милиции Х.

¹ Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 19.

Судья при квалификации действий Г. по ст. 319 УК РФ, правильно установил фактические обстоятельства дела, однако не смог верно дать им правовую оценку, поскольку он не учел, что, во-первых, уголовная ответственность наступает за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а во-вторых, публичными могут признаваться такие оскорбления, которые заведомо высказываются в присутствии многих лиц с целью либо нарушения нормальной деятельности органов власти, либо ущемления их авторитета, равно унижения чести и достоинства конкретного представителя власти. Однако, в действиях Г. отсутствуют указанные признаки, так как он действительно оскорбил грубой нецензурной бранью сотрудника милиции Х., но в помещении медицинского вытрезвителя лишь в присутствии М. – санитарки медицинского вытрезвителя и Т. – фельдшера того же вытрезвителя, при отсутствии там других лиц, но при этом судья не смог привести объективные данные, свидетельствующие о том, что Г. высказывал оскорбления, унижающие честь и достоинство потерпевшего, желал сделать их достоянием многих лиц с указанной выше целью. В действиях Г. отсутствует признак публичности, что исключает его ответственность по ст. 319 УК РФ¹.

Изучение данного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ показывает, что под признаком публичности в преступлении, закрепленном ст. 319 УК РФ, указанным судебным органом понимается обстановка, когда оскорбление совершается в присутствии многих лиц, а присутствующие лица не должны быть сотрудниками (работниками) той организации, к которой принадлежит представитель власти. Поэтому утверждение А.Ю. Кизилова о том, что если «виновный унижает честь и достоинство потерпевшего в присутствии сослуживцев, стремясь задеть его персонально, то подобное деяние надлежит квалифицировать по ст. 319 УК РФ, так как авторитет органа власти может быть подорван не только в глазах посторонних граждан, но и среди занятых в этом органе лиц», а также по-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2006 г. № 11-Д05-103 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

зицию автора о привлечении к уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ в случае, когда правонарушитель высказывает резкие и обидные слова в адрес нескольких представителей власти, желая оскорбить их всех одновременно, поскольку и в данной ситуации дискредитируется авторитет органа государственной власти (нетрезвый гражданин, задерживаемый двумя работниками милиции в безлюдном месте, обзывает их нецензурной бранью, равным образом относящейся к каждому из сотрудников правоохранительного органа)»¹, следует считать несоответствующей судебной практике.

В то же время мы должны признать, что публичность предполагает наличие двух и более человек при совершении оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ). Кроме того, присутствующие посторонние лица должны осознавать характер происходящих действий, то есть понимать, что в их присутствии нанесено оскорбление представителю власти.

Если же при оскорблении представителя власти присутствовали его коллеги по службе либо сотрудники организации, в которой работает потерпевший, то, как нам представляется, признак публичности будет отсутствовать только в том случае, когда рассматриваемое общественно опасное деяние совершается в присутствии других представителей власти и отсутствии двух или более посторонних лиц.

Вместе с тем изложенное позволяет нам не согласиться с вышеприведенным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в той его части, где санитарка и фельдшер медицинского вытрезвителя не признаются представителями общности. Указанные лица хотя и работники того же учреждения, но они не являлись представителями власти.

Итак, при квалификации преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, необходимо доказать наличие признака публичности, поскольку от его наличия или отсутствия зависит наличие или отсутствие в действиях виновного такого состава преступления, как оскорбление представителя власти. Примером может

¹ Кизиллов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 136.

служить уголовное дело, возбужденное в отношении гражданина Ф. 26.12.2013 сотрудник полиции ОП по г. Агидель, исполняя свои должностные обязанности, предусмотренные п. 1, 2, 5, 11 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», подошел к находящемуся в состоянии алкогольного опьянения гражданину Ф., представился, показал служебное удостоверение сотрудника полиции и в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» потребовал прекратить противоправные действия. В этот же момент гр-н Ф., будучи в состоянии алкогольного опьянения, из-за внезапно возникших личных неприязненных отношений к сотруднику полиции, осознавая, что сотрудник полиции находится при исполнении возложенных на него обязанностей по охране общественного порядка и является должностным лицом, которое постоянно осуществляет функции представителя власти, умышленно, с целью воспрепятствования нормальной деятельности органов власти, а также желая публично унизить честь и достоинство личности сотрудника полиции, стал громко и демонстративно выражаться грубой нецензурной бранью в присутствии посторонних лиц, тем самым оскорбив сотрудника полиции. Суд квалифицировал действия подсудимого Ф. по ст. 319 УК РФ как публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей¹.

Следует отметить, что в юридической литературе получила достаточно широкое распространение точка зрения о возможности совершения исследуемого преступления заочно. По этому вопросу А.Г. Брагина указывает, что «при совершении оскорбления представителя власти унижающая информация может быть передана его родственникам, при этом виновный должен знать, что потерпевший обязательно узнает о своем оскорблении. Высказывание ребенку, матери, супругу, иным родственникам или близким лицам своего отношения к его отцу, сыну, мужу, брату и т.п., выступающему представителем власти, вплоть до возможного дополнения оскорбления дополнительными фразами, например, «можешь так и передать», «передай ему», «скажи» и т.п., яв-

¹ За оскорбление сотрудника полиции. URL:<http://ogniagideli.ru/index.php/2011-05-24-03-48-52/3180> (дата обращения 03.04.2015 г.).

ляется посредственным оскорблением и образует состав преступления, предусмотренный ст. 319 УК РФ»¹.

В целом верное, на наш взгляд, суждение не учитывает, однако необходимости наличия признака публичности. Более точно эта мысль выглядит следующим образом: «Оскорбление должно признаваться таковым, – пишет М.Х. Сулайманов, – и тогда, когда оно нанесено в отсутствие потерпевшего, т.е. заочно, но в присутствии третьих лиц»², если же оскорбление нанесено не в присутствии посторонних, но впоследствии стало им известно со слов виновного, потерпевшего или иных лиц, то, как утверждает автор, «о публичности не может быть и речи»³.

Способы доведения до представителя власти оскорбительной информации могут быть самыми разнообразными. При этом в теории уголовного права предлагаются различные классификации таких способов.

Анализ материалов уголовных дел показал, что наиболее распространенным способом оскорбления представителя власти является устное сообщение потерпевшему оскорбительной информации. Встречаются и другие способы совершения преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ: письменный или графический, как его именует А.Ю. Кизилев⁴; конклюдентный, то есть посредством знаков, символов, жестов; действие (воздействие)⁵. А.Г. Брагина выделяет еще и такую форму оскорбления, как оскорбление с использованием инновационных технологий, куда она включает оскорбление, совершенное посредством использования мобильной связи, сети Интернет и т.п.⁶ Вместе с тем при-

¹ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 95–96.

² Сулайманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 98.

³ Сулайманов М.Х. Указ. соч. С. 99.

⁴ Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 141–142.

⁵ Неклюдов П.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб. : Тип. П.П. Меркульева, 1876. С. 45–47.

⁶ Брагина А.Г. Указ. соч. С. 115.

менение того или иного способа оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) квалификации преступления не меняет.

Состав рассматриваемого преступления по законодательной конструкции формальный, преступление считается оконченным с момента оскорбления¹. Однако по данному вопросу имеется и иная точка зрения. Так, например, некоторые авторы считают, что поскольку унижение чести и достоинства подразумевает под собой отрицательную оценку личности, сопровождающуюся негативной эмоциональной реакцией потерпевшего, то момент окончания исследуемого преступления следует связывать не с моментом выражения оскорбительного действия, а с моментом появления у представителя власти негативной эмоциональной реакции, которая возникает у него вследствие унижения чести и достоинства. Поэтому действия виновного, направленные на оскорбление представителя власти, однако по независящим от него обстоятельствам не приведшие к унижению его чести и достоинства, следует квалифицировать в качестве покушения на оскорбление представителя власти (ч. 3 ст. 30, ст. 319 УК РФ)².

Объективная сторона преступления характеризуется не только обязательными признаками, которые были подробно исследованы, но и факультативными, к которым в теории уголовного права относят место, время, способ, обстановку, орудия и средства совершения преступления. Суть названных признаков заключается в их тройном значении, они могут выступать в качестве обязательных признаков основного состава преступления, если указаны непосредственно в диспозиции уголовно-правовой нормы, признаваться в качестве квалифицирующих признаков и учитываться при назначении наказания в качестве обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание.

В этой связи следует, на наш взгляд, обратить внимание на тот факт, что совершение оскорбления в отношении представителя власти законодатель связывает с его деятельностью, а именно во время исполнения им своих должностных обязанностей или в

¹ Сулайманов М.Х. Указ. соч. С. 98; Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь : СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. С. 67 и др.

² Кисиев С.М. Понятие представителей власти в уголовном праве // Сб. науч. тр. Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2007. Вып. 5. С. 121.

связи с их исполнением. В таком случае время выступает альтернативным обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Подводя итоги рассмотрению объективных признаков оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), следует сделать основные выводы:

1. Объективная сторона общественно опасного деяния, регламентированного ст. 319 УК РФ, состоит в публичном унижении чести и достоинства представителя власти. Альтернативным мотиву обязательным признаком данного преступления является время его совершения, которым признается время исполнения представителем власти своих должностных обязанностей.

2. Под унижением чести и достоинства следует понимать отрицательную оценку личности, сопровождающуюся негативной эмоциональной реакцией потерпевшего. Нами обоснована позиция, согласно которой для наличия состава преступления, регламентированного ст. 319 УК РФ, признак «неприличная форма» не является обязательным.

3. Публичность как признак оскорбления представителя власти подразумевает наличие при совершении данного преступления двух или более лиц, не являющихся представителями власти.

4. Моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, надлежит считать момент появления у представителя власти негативной эмоциональной реакции, которая возникает у него вследствие унижения чести и достоинства.

Субъективные признаки оскорбления представителя власти.

Приступая к исследованию субъективных признаков оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), необходимо отметить, что законодатель не наделяет субъекта данного преступления какими-либо специфическими признаками при сопоставлении его с субъектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ).

Субъектом оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадца-

тилетнего возраста. Дополнительные характеристики субъекта данного преступления не влияют на квалификацию содеянного по ст. 319 УК РФ.

Раскрывая признаки субъективной стороны оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), следует отметить, что в теории уголовного права традиционно не ставится под сомнение умышленная форма вины при совершении преступления, закрепленного ст. 319 УК РФ, поскольку «юридическая природа оскорбления представителя власти исключает всякую возможность совершения данного преступления по неосторожности»¹.

Анализ уголовных дел, возбужденных по ст. 319 УК РФ, также свидетельствует о том, что преступления данного вида совершаются умышленно. Так, например, Промышленный районный суд г. Ставрополя вынес приговор по уголовному делу по ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ – оскорбление представителя власти, находящегося при исполнении своих должностных обязанностей, а также угроза применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Судом установлено, что в феврале 2013 года в утреннее время суток следователь следственного отдела по Промышленному району г. Ставрополя Следственного управления СК РФ по Ставропольскому краю Б. в рамках проводимой проверки, с целью обнаружения и изъятия спиртосодержащей продукции, прибыл в магазин «А», расположенный на ул. Доваторцев г. Ставрополя, принадлежащий на праве собственности А. В ходе проведения осмотра места происшествия в помещении указанного магазина Б. было принято решение об изъятии всей спиртосодержащей продукции. Через некоторое время в указанный магазин зашел А., после чего Б. представился последнему, а также сообщил о том, что в помещении магазина «А» в рамках проводимой проверки им проводится осмотр места происшествия, в ходе которого им производится изъятие спиртосодержащей продукции. В ответ на это А., действуя умышленно, с целью публичного оскорбления представителя власти, находящегося при исполне-

¹ Брагина А.Г. Указ. соч. С. 137.

нии своих должностных обязанностей, осознавая противоправность своих действий, стал публично высказываться в присутствии посторонних граждан в адрес Б. грубой нецензурной бранью, чем оскорбил его честь и достоинство, а также стал высказывать в адрес последнего угрозы физической расправы путем причинения вреда здоровью Б., которые последний воспринимал реально, опасаясь за свое здоровье¹.

Подкреплением сказанного, а вернее, юридическим обоснованием данного тезиса служат нормы Общей части УК РФ о формах вины, в частности, ч. 2 ст. 24 УК РФ.

При этом изучение доктринальных источников демонстрирует, что большинство авторов признают возможность совершения исследуемого преступления исключительно с прямым умыслом².

Так, совершая с прямым умыслом преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, виновный осознает общественную опасность своих оскорбительных действий в отношении представителя власти, предвидит возможность или неизбежность унижения чести и достоинства представителя власти и желает наступления негативной эмоциональной реакции потерпевшего.

Вместе с тем М.А. Цанава утверждает, что «умысел на оскорбление будет иметь место не только в случае, когда виновный сознательно унижает честь и достоинство, но и тогда, когда он сознает, что в результате его действий потерпевший может быть оскорблен»³.

А.Г. Брагина, рассуждая о видах умысла, отрицает возможность оскорбления представителя власти с косвенным умыслом: «лицо, оскорбляющее представителя власти, всегда ясно пред-

¹ Официальный сайт Промышленного районного суда г. Ставрополя // http://promyshlenu.stv.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=327 (дата обращения 26.03.2015 г.).

² Сташис В.В., Бажанов М.И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике. Харьков, 1987. С. 208; Сулайманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 116; Кизиллов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 151 и др.

³ Брагина А.Г. Указ соч. С. 139.

ставляет неизбежность и желает причинения ему вреда (морального, физического (например, при оскорблении действием, доведение до нервного срыва и т.п.), а также любого из них или иного возможного при нарушении управленческой деятельности), его неотвратимость и обязательность. Допущение причинения вреда или безразличие к последствиям маловероятны»¹. Однако не совсем ясно, чем же обусловлена маловероятность допущения причинения вреда или безразличного к нему отношения. Причем маловероятность все же подразумевает некоторую возможность.

Полностью соглашаясь с необходимостью осознания субъектом общественной опасности совершаемых им оскорбительных действий, по нашему мнению, волевое отношение виновного к наступлению негативной эмоциональной реакции представителя власти вследствие унижения чести и достоинства потерпевшего может состоять и в нежелании таких последствий, но сознательном их допущении или в безразличном к ним отношении. Совершая с косвенным умыслом оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), субъект осознает общественную опасность своих оскорбительных действий в адрес представителя власти, предвидит возможность унижения чести и достоинства потерпевшего, не желает, но сознательно допускает или безразлично относится к возможности наступления негативной эмоциональной реакции представителя власти².

Следует подчеркнуть, что при установлении признаков субъективной стороны преступления, регламентированного ст. 319 УК РФ, обязательно выяснению подлежит факт понимания лицом того, что он оскорбляет именно представителя власти.

Как справедливо указывает С.В. Максимов, мотивы оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) могут быть и не связаны с его служебной деятельностью³. Выше мы отмечали, что в ситуации, когда данное преступление характеризуется первой

¹ Брагина А.Г. Указ соч. С. 139–140.

² Возможность совершения оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) с косвенным умыслом поддерживается 47 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

³ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / под ред. Л.Д. Гаухмана и др. М., 1999. С. 726.

формой выражения объективной стороны, то есть оскорбление происходит при исполнении представителем власти своих должностных обязанностей, мотив преступления не имеет квалифицирующего значения. Иными словами, в этом случае мотив оскорбления представителя власти находится за рамками состава преступления. Поэтому, оскорбляя представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей, мотивы, побудившие виновного совершить такое деяние, не влияют на уголовную ответственность.

Тем самым законодатель указывает на особую правовую охрану чести и достоинства представителя власти. Несомненно, публичное унижение чести и достоинства представителя власти вне зависимости от того, совершено ли оскорбление в связи со служебной деятельностью потерпевшего, либо субъект руководствовался какими-либо личными мотивами (например, личная неприязнь, ревность и т.п.), нарушает объект исследуемого преступления.

Общественные отношения, обеспечивающие честь и достоинство (дополнительный непосредственный объект), безусловно, терпят урон в результате оскорбительных действий лица безотносительно мотивов или цели такого деяния. В свою очередь общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления, составляющие основной непосредственный объект преступления, закрепленного ст. 319 УК РФ, также нарушаются, если представитель власти, который находится при исполнении своих должностных обязанностей, подвергается оскорблению. И будь то личный конфликт, никак не связанный со служебной деятельностью представителя власти, его разрешение посредством публичного оскорбления лица, выступающего «носителем» государственной власти, грубым образом попирает авторитет органов государства.

Однако мотив оскорбления представителя власти, связанный с исполнением им своих должностных обязанностей, приобретает статус обязательного признака состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, когда установлен факт публичного унижения чести и достоинства представителя власти, но не при исполнении последним своих должностных обязанностей (вторая

форма выражения объективной стороны оскорбления представителя власти).

Понимание данного мотива нами раскрыто при характеристике субъективной стороны состава применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), где он выступает в качестве конструктивного признака состава преступления. Какой-либо спецификой мотив оскорбления представителя власти, связанный с исполнением им своих должностных обязанностей, в данном случае не обладает. Сказанное относится и к цели этого преступления.

При этом необходимо заметить, что если установлен указанный мотив публичного унижения чести и достоинства представителя власти, то время совершения преступления (при исполнении представителем власти своих должностных обязанностей или в иное время) составообразующего значения не имеет. И, наоборот, факт оскорбления представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей исключает надобность обнаружения названного мотива. В этом и проявляется альтернативная обязательность времени и мотива как признаков состава оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ).

Таким образом, завершая исследование субъективных признаков состава оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), целесообразно сделать следующие основные выводы:

1. Субъект оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) общий – вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

2. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. При этом умысел может быть как прямой, так и косвенный.

3. В случае публичного унижения чести и достоинства представителя власти не при исполнении им своих должностных обязанностей составообразующим признаком выступает мотив, связанный с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей.

Глава III. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА ЗДОРОВЬЕ, ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ, ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

3.1. Проблемы квалификации и законодательного совершенствования составов преступлений, посягающих на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти

Неотъемлемой частью и логическим продолжением уголовно-правового исследования общественно опасных посягательств на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти является рассмотрение вопросов квалификации данных уголовно-правовых деяний и их отграничения от смежных составов преступлений.

Известно, что противодействие преступлениям осуществляется в рамках проводимой государством уголовной политики, одними из основных форм (этапов) реализации которой выделяются правотворческая и правоприменительная деятельность¹. При этом сложно поставить под сомнение и тезис о том, что двумя основными направлениями повышения эффективности мер уголовно-правового противодействия преступлениям являются совершенствование уголовного закона и практики его применения. Не являются исключением в этом плане и изучаемые нами преступления против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти (ст. ст. 318, 319 УК РФ). В этой связи с учетом результатов исследования юридических признаков таких составов преступлений, как применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), представляется целесообразным остановиться на проблемах разработки путей улучшения ка-

¹ Миньковский Г.М., Ревин В.П. Уголовная политика и ее реализация в деятельности ОВД. М., 1995. С.4; Российская правовая политика : курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Матузова и д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. М. : Норма, 2003. С. 165.

чества применения соответствующих уголовно-правовых норм и их юридического конструирования.

Анализ материалов уголовных дел показал, что наиболее актуальной в контексте применения норм об уголовной ответственности за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ) является проблема разграничения названных преступлений от иных общественно опасных деяний.

Вопросы разграничения преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, с общими нормами об ответственности за причинение вреда здоровью человека, побои, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. ст. 111, 112, 115, 116 и ст. 119 УК РФ) были раскрыты в ходе исследования признаков составов данных преступлений.

Для преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, общей нормы в настоящее время нет¹, поскольку, как мы отмечали ранее, ст. 130 УК РФ, предусматривавшая ответственность за оскорбление, декриминализована². Выше мы отмечали, что ст. 318 УК РФ сконструирована законодателем по сути как специальная уголовно-правовая норма по отношению к названным преступлениям. Специальная уголовно-правовая норма помимо признаков общей нормы включает дополнительные, специальные признаки деяния³.

¹ Шматова Е.С. Декриминализация оскорбления: правовой анализ // Российский следователь. 2013. № 15. С. 59.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. № 50. Ст. 7362.

³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: ИД «Городец», 2007. С. 123; Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования : учебное пособие. М., 2003. С. 34; Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний : учебное пособие. Челябинск: Челябинский юрид.ин-т МВД РФ, 2005. С. 128; Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений : учебное пособие / под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 140; Савельева В.С. Основы квалификации преступлений : учебное пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 61 и др.

Вместе с тем, как справедливо заметил В.Н. Кудрявцев, «процесс образования специальных норм связан не только с тем, что из какой-либо общей нормы выделяются конкретные случаи. Он может быть и более сложен. Зачастую вновь образуемая специальная норма приобретает дополнительные признаки, характеризующие данный вид преступления гораздо полнее, чем общая норма, так что этот новый состав весьма существенно выходит за ее пределы»¹. Именно такой «сложной» формой конкуренции по отношению к соответствующим общеуголовным преступлениям и характеризуется уголовно-правовая норма, регламентированная ст. 318 УК РФ, поскольку она, например, существенно отличается по конструкции от объективной стороны.

Результаты изучения судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что одной из наиболее распространенных проблем при квалификации применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) является разграничение данного преступления с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ)².

При этом очевидно, что названные преступления отличаются, прежде всего, по объекту и потерпевшему, поскольку основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, образуют общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а дополнительный непосредственный объект образуют общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека³. Потерпевшим от данного преступления может выступать не всякий представитель власти, а

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2006. С. 224.

² Богомолов Д.П., Прохорова М.Л. Уголовно-правовые меры охраны здоровья представителей общественности, в организованном порядке привлекаемых к деятельности по обеспечению правопорядка (ст. 318 УК РФ) // Российский следователь. 2010. № 9. С. 39.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Б.Т. Разгильдиева и канд. юрид. наук, доц. А.Н. Красикова. Саратов : СЮИ МВД России, 1999. С. 588.

лишь сотрудник правоохранительного органа или военнослужащий.

Несколько иначе по сравнению со ст. 318 УК РФ характеризуется субъективная сторона посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), обязательным признаком которой признаны цель – воспрепятствование законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо мотив – месть за такую деятельность.

Между тем основная сложность заключается в том, что одни и те же действия могут рассматриваться и как посягательство на жизнь, и как применение насилия, в зависимости от направленности умысла виновного.

Так, например, С. признан виновным и осужден по ч. 3 ст. 213 и по ч. 2 ст. 318 УК РФ Пермским областным судом за хулиганство, совершенное с применением холодного оружия и применения насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти Б. в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Данный приговор был частично оспорен заместителем прокурора Пермской области в части отмены приговора в отношении С. по ч. 2 ст. 318 УК РФ и направлении уголовного дела на новое рассмотрение, поскольку С. ударами ножа причинил работнику милиции Б. колото-резаные ранения в левой паховой области и на левой ушной раковине и пытался нанести еще несколько ударов, т.е. совершил посягательство на жизнь работника милиции. При этом органы предварительного следствия действия виновного обоснованно квалифицировали по ст. 317 УК РФ.

Приговор Пермского областного суда Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ оставлен без изменения, а кассационный протест – без удовлетворения, так как доводы прокурора о необходимости изменения квалификации действий С. опровергаются материалами дела, поскольку, во-первых, и на предварительном следствии, и в судебном заседании С. утверждал, что не имел умысла на посягательство на жизнь работника милиции. Во-вторых, материалами дела показания С. об отсутствии у него умысла на убийство не опровергнуты. В-третьих, лицо может быть признано виновным, согласно закону, в посягатель-

стве на жизнь сотрудника правоохранительного органа только при наличии прямого умысла.

Высказывание осужденного во время совершения хулиганства, что он всех порежет, в том числе и себя, не свидетельствует о прямом умысле на убийство Б., поскольку конкретно кому-либо убийством он не угрожал, а, как видно из его показаний, размахивал ножом, пытаясь закрыть дверь и не пустить сотрудников милиции в свою квартиру, в результате чего Б. были причинены легкие телесные повреждения в паху и на левой ушной раковине.

При таких обстоятельствах, оценив показания С., потерпевшего Б. и свидетелей в совокупности со всеми материалами дела, суд обоснованно пришел к выводу об отсутствии у виновного прямого умысла на посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и правильно квалифицировал его действия по ч. 2 ст. 318 УК РФ как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти¹.

Данный пример наглядно демонстрирует, что в ситуациях совпадения большинства признаков составов преступлений, установленных ст. 317 и ст. 318 УК РФ, решающее значение приобретает правильное установление направленности умысла виновного.

Применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) нередко тесно граничат с такими преступлениями против государственной власти, как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ), неуважение к суду (ст. 297 УК РФ).

Итак, преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ (Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), так же, как и изучаемые нами общественно опасные деяния, отнесено законодателем к преступлениям против порядка управления (глава 32 УК РФ). При этом в ч. 2 указанной

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 6. С. 15.

нормы установлена ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, угрозу применения насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности, а в ч. 3 ст. 321 УК РФ – за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, при тех же обстоятельствах.

Сопоставительный анализ уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 318 и ст. 321 УК РФ, свидетельствует о том, что данные нормы следует разграничивать по признакам объекта и потерпевшего от преступления. Частями 2 и 3 ст. 321 УК РФ охраняется более узкий по содержанию основной непосредственный объект, которым являются общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией установленного российским законодательством порядка изоляции от общества осужденных и лиц, предварительно заключенных под стражу¹. Потерпевшими от дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ч. 2 и 3 ст. 321 УК РФ), могут быть как представители власти – «сотрудники мест лишения свободы и следственных изоляторов, имеющие специальные звания рядового и начальствующего состава органов уголовно-исполнительной системы»²; так и лица, не являющиеся представителями власти в смысле примечания к ст. 318 УК РФ, – «рабочие и служащие, на вольнонаемной основе осуществляющие общеобразовательное и техническое обучение, медицинское обслуживание и прочие виды работ в местах лишения свободы и следственных изоляторах»³.

Во многом благодаря указанному обстоятельству законодатель сформулировал мотив совершения преступления, закрепленного ч. 2, 3 ст. 321 УК РФ, не в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, а в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких. Тем самым подчеркивает-

¹ Гарбатович Д.А. Стандартные ошибки при квалификации преступлений против порядка управления // Российский следователь. 2012. № 20. С. 22.

² Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М. : Илекса, 2007. С. 963.

³ Там же.

ся, что потерпевшим от дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ч. 2 и 3 ст. 321 УК РФ), может выступать не только должностное лицо, но и иные служащие, не являющиеся должностными лицами, представителями власти¹.

Преступления против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти необходимо разграничивать и с некоторыми преступлениями против правосудия. Так, не вызывает сомнений тот факт, что судья, прокурор, следователь, дознаватель, судебный пристав (судебный исполнитель) являются представителями власти, поскольку удовлетворяют критериям, установленным примечанием к ст. 318 УК РФ. Однако применение насилия или угроза его применения в отношении указанных лиц, совершенные в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, квалифицируются по соответствующим частям ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования». В данном случае разграничение преступлений, предусмотренных ст. 296 и ст. 318 УК РФ, проводится, прежде всего, по объекту, потерпевшему, мотиву преступления.

В частности, основным непосредственным объектом угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) являются не общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного российским законодательством порядка управления, а общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением правосудия².

Потерпевшими от данного преступления может выступать строго очерченная категория представителей власти, перечисленных в диспозициях ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, а также лица, не яв-

¹ Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 32.

² Преступления против правосудия / под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. М. : Норма, 2005. С. 75–80.

ляющиеся представителями власти, например, защитник, специалист.

Кроме того, если в ст. 318 УК РФ закреплён мотив данного преступления, связанный с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, то для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 296 УК РФ, требуется более узкий мотив, связанный не с любой служебной деятельностью, а только с рассмотрением дел или материалов в суде либо, соответственно, с производством предварительного расследования, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта.

И, наконец, объективная сторона угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) расширена по сравнению с объективной стороной применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) за счёт признания наказуемой угрозы уничтожением или повреждением имущества.

Разграничение оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) и неуважения к суду (ст. 297 УК РФ) следует осуществлять с учётом отмеченных различий в основном непосредственном объекте, а также по признакам потерпевшего, объективной стороны и мотива названных преступлений.

Так, в отличие от преступления, регламентированного ст. 319 УК РФ, потерпевшим от неуважения к суду (ст. 297 УК РФ) может выступать как представитель власти в лице, например, судьи, так и иной участник судебного разбирательства. Объективная сторона неуважения к суду (ст. 297 УК РФ), состоящая в оскорблении, не требует наличия признака публичности.

Буквальное толкование текста ст. 297 УК РФ демонстрирует отсутствие специального указания на мотив данного преступления и время его совершения, когда такие признаки альтернативно обязательны для состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти»¹.

¹ Жданов Ю.А. Уголовно-правовая попытка защиты личности от психического насилия // Российский следователь. 2014. № 1. С. 24.

В ходе рассмотрения социально-юридической сущности преступлений против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти мы пришли к выводу о том, что применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) зачастую взаимосвязаны с предшествующими им общеуголовными преступлениями и иными правонарушениями. При этом анализ материалов уголовных дел показал, что во многих случаях представители власти становятся потерпевшими по ст. 318 и 319 УК РФ в тех случаях, когда их законной деятельности препятствуют виновные, оказывают им сопротивление¹.

Одним из наиболее распространенных случаев является сопротивление представителям власти лицом, совершившим хулиганство (ст. 213 УК РФ). Неслучайно в уголовном законе в качестве квалифицирующего хулиганство признака предусмотрено его совершение, связанное с сопротивлением представителю власти (ч. 2 ст. 213 УК РФ). Однако в этой связи закономерно возникает вопрос о квалификации содеянного в части совокупности ч. 2 ст. 213 УК РФ со ст. ст. 318, 319 УК РФ².

Следует отметить, что в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» предлагается следующее разъяснение признака «сопротивление»: под сопротивлением представителю власти следует понимать умышленные действия лица по преодолению законных действий указанного лица, пресекающего нарушение общественного порядка, например, при задержании лица, совершающего хулиганство, его обезоруживании, удержании или воспрепятствовании иным способом продолжению хулиганских действий³.

¹ Агильдин В.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления // Российский следователь. 2010. № 1. С. 34.

² Борисихина С.А. Насильственные посягательства на работников правоохранительных органов: проблемы квалификации (обзор практики) // Следователь. 2003. № 9. С. 2–5.

³ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

На наш взгляд, сопротивление представителю власти, как правило, выражается в применении к нему физического насилия. Когда сопротивляющееся лицо осознает факт применения насилия к представителю власти и действует, таким образом, в связи с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, то содеянное образует состав преступления, предусмотренный ст. 318 УК РФ. По этому поводу Пленум Верховного Суда РФ в пункте 9 вышеназванного постановления указывает, что «хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которых применено насилие, как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 213 УК РФ и соответствующей частью статьи 318 УК РФ»¹.

Вместе с тем среди изученных нами уголовных дел не выявлено ни одного факта сопротивления представителю власти, связанного с хулиганством виновного, которое не сопровождалось бы применением к представителю власти физического насилия. Тем не менее, ситуация, при которой субъект хулиганства, оказывая сопротивление представителю власти, не применит к последнему насилия, все же не исключена. Сопротивление представителю власти может быть выражено в таких действиях, которые не являются физическим насилием, например, субъект вырывается из захвата представителя власти, активно препятствует своему физическому перемещению и т.п.²

Если в ходе сопротивления представителю власти лицо, совершившее хулиганство, публично оскорбляет представителя власти, то содеянное, безусловно, подлежит квалификации по совокупности ч. 2 ст. 213 и ст. 319 УК РФ.

Аналогичным образом следует решать вопрос о наличии совокупности преступлений и при квалификации массовых беспорядков, сопровождавшихся оказанием сопротивления представителю власти (ст. 212 УК РФ).

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

² Рарог А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. 2014. № 5. С. 29.

Таким образом, составами хулиганства, массовых беспорядков, связанных с сопротивлением представителю власти (ч. 2 ст. 213, ст. 212 УК РФ), составы применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ) не охватываются. Содеянное при наличии признаков указанных составов преступлений квалифицируется по совокупности.

Теории и практике уголовного права известна проблема квалификации применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) по совокупности. По нашему мнению, следует исключить возможность поглощения преступлением, предусмотренным ст. 318 УК РФ, факта оскорбления представителя власти. В случае наличия реальной совокупности данных преступлений, вне зависимости от последовательности их совершения, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности ст. 318 и 319 УК РФ. Это связано с различием в дополнительных непосредственных объектах исследуемых преступлений. Посягательство на общественные отношения, обеспечивающие честь и достоинство представителя власти, несмотря на его меньший уровень общественной опасности по сравнению с посягательством на общественные отношения, обеспечивающие здоровье представителя власти, все же нуждается в самостоятельной уголовно-правовой оценке¹.

Известно, что качество уголовного закона, проводимой государством уголовной политики во многом определяется, с одной стороны, статичностью (неизменностью) уголовного законодательства, а с другой – адекватностью отражения в нем современных общественных отношений, реалий жизни общества, достижений науки и техники. Именно поэтому высокой теоретической и практической ценностью обладают комплексные уголовно-правовые исследования, результатами которых выступают, в том числе и научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства РФ.

¹ См.: Безверхов А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения // Уголовное право. 2014. № 4. С. 39.

Исследование норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, посягающие на здоровье, личную неприкосновенность (ст. 318 УК РФ), честь и достоинство представителя власти (ст. 319 УК РФ), позволило определить некоторые законодательные неточности и выявить факты пробельности в законодательном описании отдельных криминообразующих признаков, что существенно понижает эффективность исследуемых норм.

Прежде всего стоит обратить внимание на наименование ст. 318 УК РФ – «Применение насилия в отношении представителя власти». Совершенно очевидно, что данная формулировка не учитывает противоправность в рамках этой статьи угрозы применения насилия. Хотя угрозу и принято относить к психическому насилию, однако, мы выше отмечали, что в действующем российском уголовном законе термин «насилие» подразумевает под собой исключительно физическое насилие.

Кроме того, близкое по существу общественно опасное деяние, предусматривающее уголовную ответственность за насилие и угрозу его применения в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, закрепленное ст. 296 УК РФ, именуется «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования». То есть в этом случае законодатель в самом названии статьи отразил указание не только на запрещенность насилия, но и угрозу его применения. Подобный подход к формулировке названия статьи УК РФ представляется нам более логичным.

В этой связи, по нашему мнению, вполне адекватной мерой для разрешения сложившегося противоречия между названием ст. 318 УК РФ и ее содержанием является изменение наименования исследуемой уголовно-правовой нормы, отобразив его следующим образом: «Угроза или насилие в отношении представителя власти». С данным предложением согласилось 64% опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

Сопоставительный анализ конструкций уголовно-правовых норм об ответственности за применение насилия в отношении

представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) показывает их определенную схожесть. Не учитывая их различия в содержании признаков, обнаруживается разница в наборе обязательных признаков составов данных преступлений. В частности, если состав преступления, предусмотренный ст. 319 УК РФ, имеет место при наличии либо мотива, связанного с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, либо времени исполнения данным потерпевшим своих должностных обязанностей, то уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) наступает исключительно при наличии мотива, связанного с исполнением потерпевшим своих должностных обязанностей.

Закономерно возникает вопрос об обусловленности отмеченного различия. С одной стороны, может сложиться впечатление, что такая своего рода «расширенная» криминализация фактов оскорбления представителя власти основана на строгости уголовно-правовой охраны чести и достоинства представителей власти. Но, с другой стороны, вряд ли можно признать целесообразность более строгой охраны представителей власти от посягательств на их честь или достоинство, нежели от посягательств на здоровье данных потерпевших.

Оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей образует состав преступления, регламентированный ст. 319 УК РФ, даже при совершении этого общественно опасного деяния по каким-либо личным мотивам виновного. Однако применение насилия в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей, но не обусловленное служебной деятельностью представителя власти, будет влечь уголовную ответственность лишь преступление против здоровья человека.

На наш взгляд, указанная ситуация не имеет под собой социально-юридического обоснования. Дело в том, что объект преступления, установленного ст. 318 УК РФ, нарушается равным образом как при совершении рассматриваемого деяния вне зависимости от времени, но и в связи с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, так и при исполнении

представителем власти своих должностных обязанностей вне зависимости от мотива преступления. В обоих случаях общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления, грубым образом нарушаются наряду с общественными отношениями, обеспечивающими здоровье человека.

Как выше мы отмечали, при совершении исследуемых преступлений потерпевший рассматривается как субъект государственно-властных отношений, применение к нему насилия во время исполнения представителем власти своих должностных обязанностей грубо попирает авторитет государственной власти, дестабилизирует нормальную управленческую деятельность, несмотря на мотивацию виновного. Несложно представить картину, когда к сотруднику патрульно-постовой службы во время исполнения им своих должностных обязанностей, пребывающему в форменном обмундировании, в общественном месте подходит ранее знакомый гражданин и из-за личного конфликта (ревности, неприязни и проч.) начинает его избивать. По нашему мнению, в корне неверно поступил законодатель, отнеся такое общественно опасное деяние к категории преступлений против личности, в частности против здоровья человека. Как представляется, эту ситуацию следует признать законодательной недоработкой, некоторой неточностью при формулировании уголовно-правового запрета.

Весьма вероятно, что отчасти обозначенная ситуация обусловлена технико-юридическими аспектами. Это связано с тем, что в отличие от оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), где потерпевшим может быть признан только представитель власти, состав применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) характеризуется возможностью совершения этого преступления не только непосредственно против представителя власти, но и его близких. Между тем данные вопросы могут и должны быть разрешены.

С учетом изложенного, в целях совершенствования мер уголовно-правового противодействия преступлениям против здоровья представителя власти нами предлагается внести в ч. 1 ст. 318 УК РФ соответствующие изменения, закрепив в качестве альтернативного обязательного признака время совершения преступле-

ния – совершение преступления при исполнении представителем власти своих должностных обязанностей.

В свете динамично развивающейся концепции уголовно-правового обеспечения психологической безопасности человека¹ обращает на себя внимание наказуемость в рамках ч. 1 ст. 318 УК РФ исключительно угрозы насилием. Дело в том, что в российском уголовном законодательстве в целом ряде норм, наряду с угрозой применения насилия как способом совершения преступления, криминализированы также угрозы уничтожением или повреждением имущества, угрозы распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (ст. 163, 179, 302, 309 УК РФ). Помимо этого, угроза уничтожением или повреждением имущества криминализована в качестве формы выражения объективной стороны, то есть как самостоятельное деяние в ст. 296 УК РФ, где уголовную ответственность влекут угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества (ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ). Подобное положение, признающее преступной наряду с угрозой применения насилия угрозу уничтожением или повреждением имущества, по нашему мнению, вполне оправданно, поскольку угроза уничтожением или повреждением имущества обладает способностью вызвать во многих случаях не меньшее психическое воздействие в виде, например, состояния опасения, чем угроза насилием.

Кроме того, в юридической литературе последовательно обосновывается позиция о необходимости криминализации угрозы уничтожением или повреждением имущества как самостоятельного преступления².

Не затрагивая вопроса о целесообразности установления уголовно-правового запрета на угрозу уничтожением или повреждением имущества как отдельного преступления по российскому уголовному законодательству, считаем, что вышеизложенное свидетельствует о необходимости криминализации в рамках ч. 1

¹ Тер-Акопов А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. 1993. № 4. С. 88–97.

² Никитина Е. Необходимо установить уголовную ответственность за поставление имущества в опасность // Уголовное право. 2004. № 1. С. 36–37.

ст. 318 УК РФ угрозы уничтожением или повреждением имущества. С этим согласны 55 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

С учетом сказанного полагаем, что ч. 1 ст. 318 УК РФ должна быть дополнена указанием на деяние в виде угрозы уничтожением или повреждением имущества.

В целом диспозиция ч. 1 ст. 318 УК РФ могла бы выглядеть следующим образом: «Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, угроза применения насилия либо угроза уничтожением или повреждением имущества в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а равно совершение указанных действий в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей».

Неоднозначной интерпретации уголовного закона способствует формулировка диспозиции ч. 2 ст. 318 УК РФ: «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи». Буквальное толкование текста приведенной уголовно-правовой нормы позволяет утверждать, что по ч. 2 ст. 318 УК РФ ответственность может наступать в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких без учета мотива такого деяния. Однако вряд ли кто-либо поставит под сомнение обязательность установления мотива применения насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких (ч. 2 ст. 318 УК РФ), связанного с исполнением им своих должностных обязанностей.

В результате исследования юридических признаков преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, мы пришли к выводу о том, что в данной уголовно-правовой норме содержится два состава преступления, отличающихся между собой признаками объективной стороны. О том, что в ч. 2 ст. 318 УК РФ предусмотрен самостоятельный, а не квалифицированный состав преступления, свидетельствует отсутствие традиционно используемой законодателем при конструировании квалифицированных составов формулировки, как-то «то же деяние», «деяние, предусмотренное частью первой» и т.п.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе встречается позиция, согласно которой квалифицированные составы преступлений определяются «как уголовно наказуемые деяния с резко повышенной или пониженной степенью общественной опасности по сравнению с зафиксированной основным составом преступления, что обуславливает выделение данной разновидности в законе в качестве относительно самостоятельной, с иной (повышенной или пониженной) санкцией»¹. Данное понимание квалифицированного состава преступления позволяет отнести ч. 2 ст. 318 УК РФ к таковым, тем более что в ч. 2 ст. 318 УК РФ имеется ссылка на признаки, регламентированные ч. 1 ст. 318 УК РФ.

На наш взгляд, более верным, как с теоретической, так и с практической точки зрения является распространенное мнение о том, что квалифицированный состав «помимо признаков основного состава данного преступления содержит обстоятельства, существенно повышающие общественную опасность преступления»². Проецируя такое понимание квалифицированного состава преступления на ч. 2 ст. 318 УК РФ, видим, что оно не «срабатывает» применительно к обозначенной уголовно-правовой норме, поскольку насилие, опасное для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ), может не содержать признаков насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ), например, в случае огнестрельного ранения представителя власти, причинившего вред здоровью. Иными словами, может иметь место полное несовпадение признаков объективных сторон анализируемых преступлений.

Действующую редакцию ч. 2 ст. 318 УК РФ, ссылающуюся на ч. 1 этой статьи, представляется возможным признать не вполне удачной попыткой законодателя, стремящегося соблюсти требование лаконичности уголовного закона, сконструировать квалифицированный состав. Причем еще менее успешнее, по нашему мнению, это удалось сделать при формулировании уголовно-правового запрета на угрозу или насильственные действия в свя-

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 180–181.

² Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлева и канд. юрид. наук С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 65.

зи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ), где в ч. 1 и ч. 2 ст. 296 УК РФ описываются преступные угрозы, а в ч. 3 и ч. 4 ст. 296 УК РФ указывается на деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 данной статьи, совершенные с применением насилия, не опасного и, соответственно, опасного для жизни или здоровья.

Таким образом, соглашаясь с существенным сходством преступлений, регламентированных ч. 1 и ч. 2 ст. 318 УК РФ, поддерживая значительно повышенный уровень общественной опасности применения насилия, опасного для жизни или здоровья, по сравнению с насилием, не опасным для жизни или здоровья, мы считаем, что ч. 2 ст. 318 УК РФ нуждается в редакционных изменениях, направленных на исключение в последней уголовно-правовой норме ссылок на ч. 1 ст. 318 УК РФ.

На основании изложенного, в целях недопущения возможных правоприменительных ошибок, нами предлагается следующая редакция диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 318 УК РФ: «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а равно совершение указанных действий в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей».

Подводя итог исследованию проблем совершенствования мер уголовно-правового противодействия преступлениям против здоровья, чести и достоинства представителей власти, необходимо сделать следующие основные выводы:

1. При квалификации содеянного по ст. 318 и 319 УК РФ следует разграничивать данные преступления с рядом сходных общественно опасных деяний, в частности с преступлениями, предусмотренными ст. 296, 297, 317, 321 УК РФ. При этом различия между указанными преступлениями могут состоять как в отдельных признаках состава преступления, так и в группе признаков.

2. Соппротивление представителю власти, выразившееся в применении к нему насилия, вне зависимости от его опасности для жизни или здоровья, сопряженное с хулиганскими действиями виновного, надлежит квалифицировать по совокупности ч. 2

ст. 213 и соответствующей части ст. 318 УК РФ. Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) также не поглощается иными уголовно-правовыми нормами при наличии реальной совокупности преступлений.

3. Ввиду двухобъектности посягательств против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти обоснована целесообразность применения положений ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» к лицам, совершившим преступления, регламентированные ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ лишь в исключительных случаях.

4. Аргументирована необходимость изменения наименования ст. 318 УК РФ на следующую формулировку: «Угроза или насилие в отношении представителя власти».

Диспозицию ч. 1 ст. 318 УК РФ предложено изложить в следующей редакции: «Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, угроза применения насилия либо угроза уничтожением или повреждением имущества в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а равно совершение указанных действий в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей».

Диспозицию ч. 2 ст. 318 УК РФ отобразить следующим образом: «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а равно совершение указанных действий в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей».

3.2. Проблемы пенализации и уголовной ответственности за преступления, связанные с посягательством на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти

Исследование норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за посягательства на здоровье, личную неприкосновенность (ст. 319 УК РФ), честь и достоинство (ст. 318 УК РФ) представителя власти, позволило установить объективную необходимость совершенствования санкций соответствующих статей УК РФ.

В литературе продолжают высказываться разнообразные предложения относительно совершенствования действующих, а также введения новых норм, регламентирующих ответственность за посягательства на здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство представителя власти¹. Однако требуется более чем осторожное отношение к вопросу пенализации подобного рода преступлений. В юридической литературе предлагались различные мнения авторов относительно содержания понятия «пенализация». Так, например, Н.А. Лопашенко утверждает, что пенализация «состоит в установлении принципов и критериев

¹ Мамакина В.М. Уголовно-правовая регламентация ответственности за публичное оскорбление представителя власти по уголовному законодательству РФ и зарубежных стран // Актуальные проблемы модернизации российского уголовного законодательства и практики его применения: материалы III Международной научно-практической конференции (26–27 сентября 2013 г.). Ярославль, 2013. С. 209–118; Быкова И.Е. Специфика преступления против законной деятельности представителя власти: уголовно-правовой аспект: монография. Тамбов : ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 280; Исаев Н.А., Мамакина В.М. Сравнительно-правовой аспект преступлений против чести и достоинства представителя власти // Вестник Орловского гос. ун-та. 2008. № 4. С. 68–71; Епифанов Б.В. Принцип справедливости и проблемы ответственности за оскорбление // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (15 марта 2013 г.). В 2 ч. Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С. 116–119; Дементьев О.М., Кочеткова М.Н., Шилкина А.Н. Проблема уголовной ответственности за оскорбление в РФ // Вопросы современной науки и практики: материалы II научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (24–26 октября 2012 г.). Тамбов. Вып. 44. Тамбов, 2013. С. 27–31 и др.

применения наиболее строгого государственного принуждения за деяния, признаваемые преступными: в формулировании целей уголовного наказания, в определении его видов и размеров, в предложении иных мер уголовно-правового характера, необходимых и достаточных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния»¹.

Согласно точке зрения О.В. Старкова, пенализация – это «введение нового вида наказания уголовным законом или увеличение пределов и размеров действующего, или дополнение действующего другим видом»².

По мнению А.И. Коробеева, «пенализация – это процесс определения характера наказуемости деяний, а также их фактическая наказуемость, т.е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике»³.

Проведенное исследование понятия «пенализация» позволяет прийти к выводу о двух взаимосвязанных процессах или можно сказать этапах, которые осуществляются законодателем и правоприменителем⁴, что позволяет оценивать преступное деяние дважды. Так, законодатель, как утверждает С.И. Комарицкий, «формулирует свое мнение о границах наказуемости деяния и закрепляет их в законе. Затем суд, решая вопрос о наказании лица, виновного в совершении преступления, назначает конкретную меру наказания в пределах, уже установленных законом»⁵.

При этом законодатель устанавливает «виды и размеры наказания за совершение определенных видов преступлений, руко-

¹ Лопашенко Н.А. Уголовно-правовая политика // Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 374–375.

² Старков О.В., Милуков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 397.

³ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 137.

⁴ Антонов И.М. Пенализация общественно опасных деяний. Хабаровск : Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2006. С. 24. Однако отдельные ученые не поддерживают такую точку зрения и полагают, что пенализация общественно опасных деяний – это исключительно законодательная (правотворческая) деятельность по установлению их наказуемости. См., напр. : Налеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. С. 22.

⁵ Комарицкий С.И. Социальная обусловленность санкций уголовно-правовых норм и совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989. С. 99.

водствуясь при этом принципом дифференциации уголовной ответственности и наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния»¹, а затем правоприменитель «избирает конкретную, индивидуальную меру ответственности в рамках, уже определенных законодателем»².

Таким образом, пенализация самым непосредственным образом связана с понятием уголовно-правовой санкции, выступающей структурным элементом норм Особенной части УК РФ, в котором зафиксированы вид и размер наказания за конкретное преступление³, что позволяет выделить важнейшие задачи пенализации, в качестве которых следует рассматривать разработку и использование теории построения санкций уголовно-правовых норм⁴. В этой связи следует отметить, что полного представления о том, как создаются уголовно-правовые санкции, что берется за их основу и вкладывается в смысл каждого вида санкции на практике не выработано, отсутствует и теория в этой сфере, которая могла бы дать конкретные рекомендации в этом направлении законодателю⁵.

Исследование закономерностей построения санкций в теории уголовного права, по мнению А.В. Офицеровой, – «... зани-

¹ Антонов И.М. Пенализация общественно опасных деяний. Хабаровск : Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2006. С. 21.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. М., 2000. С. 35.

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2007. С. 20 (автор главы – Б.В. Яценко). Однако в теории уголовного права существуют и иные, отличные от приведенного, определения санкции уголовно-правовой нормы. Так, например, по мнению А.П. Козлова, санкция представляет собой «часть уголовно-правовой нормы, носящая государственно-принудительный, качественно-количественный характер и представляющая собой формально определенную объективно-субъективную модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление»; Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. С. 17. По утверждению З.А. Незнамовой, «санкция – это часть уголовно-правовой нормы и часть статьи УК, определяющая вид и размер наказания»; Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 31 и др.

⁴ Калмыкова М.А. Пенализация преступлений, связанных с применением оружия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 34–40.

⁵ Антонов И.М. Пенализация общественно опасных деяний. Хабаровск : Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2006. С.25.

мают не менее важное значение, чем исследование принципов построения диспозиций»¹. Приведенное суждение автора, обусловлено тем, что решение задач уголовного права во многом обеспечивается не столько криминализацией общественно опасного деяния, сколько установлением той меры уголовной ответственности, которая бы соответствовала его тяжести. Таким образом, «... уголовный закон призван установить меру, масштаб наказания, соответствующий тяжести совершенного преступления»².

Продолжая рассуждать о содержании основополагающих принципов уголовного права, И.Н. Бокова отмечает, что «... любая санкция должна быть социально справедливой, то есть такой, которая соответствует тяжести описанного в законе преступного деяния, но и согласуется с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений, и, кроме того, дает суду возможность индивидуализировать наказание с учетом всех возможных вариантов совершения преступления в реальной действительности»³.

Автор считает, что «... эффективность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, во многом зависит, во-первых, от качества принимаемых нормативно-правовых актов, во-вторых, от того, как будут решены задачи оптимальности в управлении социальными процессами, в-третьих, от повышения уровня работы правоохранительных, судебных и уголовно-исполнительных органов, осуществляющих противодействие преступности, в-четвертых, от результатов этой деятельности»⁴.

Соглашаясь с мнением автора, отметим, что в современных условиях действительно эффективность действующего уголовного законодательства не в полной мере отвечает требованиям российского общества.

¹ Офицерова А.В. Нецелевое расходование бюджетных средств: проблемы законодательной регламентации, пенализации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 96.

² Офицерова А.В. Указ. соч. С. 96.

³ Бокова И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве: Теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С.135.

⁴ Бокова И.Н. Указ. соч. С.135.

Определяя в санкции виды и размеры наказаний, законодатель оценивает характер и степень общественной опасности преступления. Обеспечение дифференциации ответственности и индивидуализации наказания в большинстве составов главы 32 УК РФ происходит в соответствии с нарастанием общественной опасности. Применительно к предмету исследования виды и размеры наказаний, предусмотренные за посягательства на здоровье, личную неприкосновенность, а также честь и достоинство представителя власти, должны соответствовать тяжести совершаемого преступления.

И.Я. Козаченко отмечает остроту проблемы определения «разумной взаимосвязи между содержанием общественной опасности деяния и санкции, предусматривающей меру уголовной ответственности за него, разработки теории санкций применительно к конкретным типам (видам, группам преступлений), выработки научно обоснованных, оптимальных в конкретных социальных условиях и эффективных рекомендаций, как для законодателей, так и для деятельности правоприменительных органов»¹. Решение вопроса о назначении наказания предполагает рассмотрение его в соответствии: « а) с объективными закономерностями развития общества; б) с целями, которые на основе познания этих закономерностей определяет уголовная политика; в) с общей системой российского права»².

Важную роль в решении данного вопроса играет функциональная иерархичность, присущая наказаниям, предусмотренным санкциями норм Особенной части УК РФ. Это положение объясняется, по мнению И.Я. Козаченко, двумя обстоятельствами. Во-первых, характером и степенью общественной опасности преступления и личности, его совершившей. Во-вторых, типовыми характеристиками преступления и лица, его совершающего³. Можно говорить о санкции как об «уголовно-правовой реальности, предусматривающей наказание и выражающей государственную

¹ Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987. С. 27.

² Бокова И.Н., Кузнецов А.П. Проблемы назначения и исполнения наказаний по преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юрист. 2000. №2. С. 10.

³ Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987. С. 34.

оценку типовых характеристик содеянного и личности виновного. Такое наказание принято называть типовым»¹.

Справедливыми остаются слова, высказанные еще в 1987 году А.И. Коробеевым: «Теоретические основы конструирования санкций уголовно-правовых норм еще в достаточной мере не разработаны, практика же законодательства, лишенная научно обоснованных рекомендаций, вынуждена зачастую прибегать в этой сфере к методу «проб и ошибок», устанавливая санкции не путем научного постижения существа уголовно-правовых запретов, а, так сказать, «прикидывая» на рулетке, исходя из уже существующих санкций по другим составам и из субъективных мнений участников выработки предложений»². Между тем от того, насколько правильно будет сконструирована санкция в каждой конкретной статье, включая и рассматриваемые нами, во многом зависит эффективность ее применения³. Данная позиция поддерживается Ю.И. Кулешовым⁴.

Следует отметить, что в уголовно-правовой теории все же существуют отдельные, достаточно удачные предложения относительно построения санкций⁵, которые необходимо принять за основу при исследовании санкций ст. 318 и ст. 319 УК РФ. Остановимся подробнее на их анализе.

Из представленной ниже таблицы 2 следует, что санкции частей 1 ст. 318 и 319 УК РФ по содержанию наказаний и их размеру сконструированы по типу альтернативных (ч. 1 ст. 318, ст.

¹ Кругликов Л.Л. О законодательных пределах назначения наказания / Л.Л. Кругликов, Е.В. Благоев // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав гражданина в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. ст. Ярославль, 1984. С. 109.

² Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 137.

³ Так, В.И. Зубкова отмечает следующее: «правильно сконструированная санкция должна содержать в качестве главного элемента такое наказание и в таком количестве (наборе), чтобы обеспечить свое эффективное применение на практике, не вызывать сложностей и трудностей при применении. В противном случае конструкция санкций может оказаться дефектной, несовершенной, работающей лишь частично, а потому являться недостаточно эффективной». См.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. С. 211.

⁴ Кулешов Ю.И. Проблемы оптимизации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия // Юридический мир. 2014. № 8. С. 36.

⁵ Это отмечает, например, Н.А. Лопашенко. См.: Лопашенко Н.А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 6–23 и др.

319 УК РФ) и относительно определенных (ч. 2 ст. 319 УК РФ), поскольку они предусматривают несколько видов наказаний, назначаемых в качестве основных, а также содержат интервал между минимумом и максимумом в их размерах¹.

Таблица 2

Содержание санкций ч. 1 ст. 318 и ч. 1 ст. 319 УК РФ

Применение насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ)	Оскорбление представителя власти (ч. 1 ст. 319 УК РФ)
Штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев	Штраф в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев
Принудительные работы на срок до пяти лет	
Арест на срок до шести месяцев	
	Обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов
	Исправительные работы на срок до одного года
Лишение свободы на срок до пяти лет	

Содержащиеся в рассматриваемых санкциях наказания, их виды и законодательно определенные размеры позволяют установить существенную разницу в характере и степени общественной опасности между посягательствами на здоровье и личную неприкосновенность представителя власти (ст. 318 УК РФ) и честь и достоинство представителя власти (ст. 319 УК РФ).

Принимая во внимание, что оба преступления являются умышленными, можно говорить, что применение насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) отнесено к

¹ Кругликов Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном законодательстве // Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права : избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 29–37.

категории преступлений средней тяжести, в то время как оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) является преступлением небольшой тяжести.

Отмеченное обстоятельство может иметь принципиальное значение для назначения уголовного наказания, его замены, установления срока судимости, что важно для квалификации рассматриваемых преступлений.

В данном контексте, заслуживают внимания слова Ю. Антонова, который пишет: «...когда применяется насилие в отношении представителя власти, причиняется вред не только отношениям государственного управления, но и личности. В этом случае возникает вопрос о квалификации содеянного только по ст. 318 УК РФ или по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ и статьями гл. 16 УК РФ»¹. Автор считает, чтобы решить такой вопрос, необходимо сравнивать санкции статей, которые объективно отражают характер и степень общественной опасности содеянного².

Санкция части второй ст. 318 УК РФ устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет, что характеризует ее как относительно определенную. Относительная определенность санкции рассматриваемого общественно опасного деяния является весьма условной, впрочем, как и всякая другая предусмотренная различными статьями Особенной части УК РФ. Причиной тому мы видим законодательно предусмотренную возможность назначения наказания в виде принудительных работ в порядке замены лишения свободы (ч. ч. 1, 2 ст. 53.1 УК РФ), в частности, за применение насилия, опасного для жизни и здоровья представителя власти. В ч. 1 ст. 53.1 УК РФ указано, что принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые.

¹ Антонов Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5. С. 10.

² Антонов Ю. С. 10.

Отмеченное обстоятельство позволяет рассматривать в качестве реальной, законодательно предусмотренную возможность замены судом наказания в виде лишения свободы, предусмотренного в санкции ч. 2 ст. 318 УК РФ, наказанием в виде принудительных работ.

Законодательно предусмотренная возможность назначения альтернативного наказания, являющегося более мягким, чем предусмотренное в санкции статьи (ч. 2 ст. 318 УК РФ), может рассматриваться как обстоятельство, нарушающее принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, поскольку характер и степень общественной опасности преступления намного выше, чем строгость назначаемого наказания.

Вопросам замены лишения свободы альтернативным ему наказанием в виде принудительных работ уделялось немало внимания представителями юридической науки, и большинство авторских позиций сводилось к критике принятого законодателем подхода к альтернативному характеру принудительных работ.

Так, В. Буш ставит под сомнение оправданность заменяющего характера принудительных работ, объясняя свою позицию порождением парадоксальной практики, при которой суд сначала должен назначить одно наказание (лишение свободы), а потом заменить его другим (принудительные работы), автор отмечает, что это противоречит логике принятия уголовно-правовых решений¹.

Н.В. Иванцова и К.Ю. Калачян также указывают на возникновение сложной юридической ситуации, при которой суд для назначения наказания в виде принудительных работ сначала должен вынести приговор, назначить осужденному наказание в виде лишения свободы, и уже потом вынести постановление о замене указанного наказания принудительными работами или в описательно-мотивировочной части приговора указать на возможность исправления осужденного без реального отбывания на-

¹ Буш В. Некоторые особенности уголовно-правовой регламентации наказания в виде принудительных работ // Сборник материалов круглого стола «Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне», посвященного 10-летию образования филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу» (г. Ставрополь, 28 июня 2013 г.). Ставрополь, 2013. С. 28.

казания в местах лишения свободы и в резолютивной части постановить: а) назначить осужденному наказание в виде лишения свободы, б) заменить указанное наказание принудительными работами¹.

Эти и подобные им авторские позиции являются ярким примером существующего в уголовном законодательстве пробела в части реализации альтернативного лишению свободы наказания, в том числе и за преступления, связанные с применением насилия в отношении представителя власти.

Заменяющий характер принудительных работ, а именно: применение данного наказания в порядке замены лишения свободы, может служить основанием для признания его как специального случая назначения наказания ниже низшего предела. Данное положение, в основном, дублирует правило, закрепленное в ст. 64 УК РФ, предусматривающей возможность назначения наказания ниже низшего предела. В силу ст. 64 УК РФ назначение наказания ниже низшего предела возможно при наличии обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности совершенного лицом преступления, либо при активном его содействии в раскрытии группового преступления².

Впрочем, рассуждения о назначении наказания ниже низшего предела за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 318 УК РФ, тоже являются весьма условными, поскольку санкция данной нормы сконструирована по типу относительно-определенных.

Известно, что относительно-определенные санкции позволяют правоприменителю индивидуализировать назначаемое наказание с учетом общественной опасности совершенного деяния, личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, и др. Однако следует признать недопустимым слишком большой интервал между нижним и верхним пределом санкции – например, от двух месяцев до 10 лет лишения свободы, как в санкции ч. 2 ст. 318 УК РФ.

¹ Иванцова Н.В., Калачян К.Ю. Принудительные работы – альтернативный или самостоятельный вид наказания: пути поиска правильного подхода // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 35.

² Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 582–583.

По мнению Е.И. Майоровой, это может привести к нарушению принципа справедливости и назначению наказания, не соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного¹.

Такого же мнения придерживается Ю.И. Кулешов, который считает необоснованным использованный законодателем прием, когда в качестве нижнего предела наказания определяется размер, минимальный для данного вида².

Полагаем, что приведенные мнения авторов позволяют актуализировать затронутую проблему. Учитывая особенности законодательной конструкции санкции ч. 2 ст. 318 УК РФ как относительно-определенной, можно предположить, что суд, назначая наказание в виде лишения свободы и определяя его размер в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ, может установить срок лишения свободы от двух месяцев до десяти лет. Очевидно, что такой интервал между минимальным и максимальным размером предусмотренного санкцией ч. 2 ст. 318 УК РФ наказания является чрезвычайно широким, что может поставить суд в затруднительное положение относительно определения справедливого наказания. С этим согласилось 72 % опрошенных в ходе проведенного социологического исследования респондентов.

Учитывая, что в ч. 1 ст. 318 УК РФ наказание в виде лишения свободы установлено на срок до пяти лет, полагаем справедливым будет определение минимальной границы наказания в ч. 2 ст. 318 УК РФ, соответствующей пяти годам лишения свободы.

Данное суждение совпадает с мнением И.И. Карпеца, утверждавшего, что конструкция санкции была бы более оправдана, если бы высший предел санкции за менее опасное преступление был бы одновременно низшим пределом санкции за его квалифицированный вид³.

¹ Майорова Е.И. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Российский следователь. 2014. № 1. С. 31.

² Кулешов Ю. Проблемы оптимизации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия // Юридический мир. 2014. № 8. С. 36.

³ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 241.

В поиске выхода из возникшей неоднозначной правовой ситуации определенную пользу принесет сравнительный анализ санкции исследуемой статьи с тождественными составами, санкции которых предусматривают ответственность за насильственные преступления в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование (ст. 296 УК РФ).

Санкция ч. 4 ст. 296 УК РФ устанавливает ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, предусматривая наказания в виде принудительных работ сроком до пяти лет либо лишение свободы на срок от пяти до десяти лет.

Полагаем что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 296 УК РФ, по характеру и степени его общественной опасности является тождественным преступлению, содержащемуся в ч.2 ст. 318 УК РФ. В то же время следует признать конструкцию санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ более удачной, нежели чем санкции ч. 2 ст. 318 УК РФ.

В этой связи в целях унификации уголовного законодательства и соблюдения дифференцированного подхода к пенализации общественно опасных деяний считаем необходимым санкцию ч. 2 ст. 318 УК РФ привести в соответствие санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ, изложив ее в следующем виде: «...наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Не менее острой в рассматриваемом контексте является проблема реализации уголовной ответственности за преступления, связанные с посягательством на честь, достоинство, личную неприкосновенность и здоровье представителя власти.

Известно, что неотвратимость уголовного наказания за совершенное преступление является важным условием реализации принципов уголовного закона и одновременно выступает в качестве залога обеспечения задач, закрепленных в ст. 3 УК РФ.

В этой связи нельзя оставить без внимания весьма интересную проблему, поднятую А.Д. Сафроновым и И.И. Шубиной. Речь ведется о возможности освобождения лица, виновного в ос-

корблении представителя власти (ст. 319 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим¹. Дело в том, что, несмотря на признание оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) делом публичного обвинения, законодатель не исключает возможности освобождения виновного от уголовной ответственности за данное преступление.

Так, согласно ст. 76 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести (а оскорбление представителя власти является преступлением небольшой тяжести), может быть освобождено от уголовной ответственности, если примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. То же самое относится и к применению насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозе насилием в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ), поскольку данное преступление отнесено законодателем к категории преступлений средней тяжести.

В этой связи заслуживает поддержки утверждение А.Д. Сафронова и И.И. Шубиной о том, что примирение виновного в оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ) с потерпевшим от данного преступления по общему правилу должно быть недопустимо. «Сотрудник милиции, – пишут данные авторы, – действует как публичный служащий, субъект властных отношений, обеспечивающий государственные интересы, поэтому посягательство на его честь и достоинство направлено не столько на ущемление его как частного лица, сколько на причинение ему психотравмирующего воздействия, деморализацию его как агента правоохранительной деятельности.

Оскорбление перестает быть его частным делом и должно рассматриваться как игнорирование и нарушение публичного интереса и как моральный ущерб, причиненный государству, и в частности органу внутренних дел»². Хотя в данном высказывании и говорится о сотрудниках милиции, на наш взгляд, оно вполне приемлемо в отношении иных представителей власти. А еще в

¹ Сафронов А.Д., Шубина И.И. Защита сотрудников милиции при выполнении ими должностных обязанностей по УК РФ // Государство и право. 1998. № 1. С. 59–60.

² Сафронов А.Д., Шубина И.И. Защита сотрудников милиции при выполнении ими должностных обязанностей по УК РФ // Государство и право. 1998. № 1. С. 59.

большей степени предложенный тезис имеет отношение к преступлению, регламентированному ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Подобной точки зрения придерживается Э. Сидоренко. Автор отмечает, что в стремлении максимально обеспечить права потерпевшего – физического лица – правоприменитель пренебрегает общественными и государственными интересами, на которые направлено преступное посягательство¹.

Схожей позиции придерживается Д. Гарбатович, утверждающий, что прекращение уголовного дела за примирением сторон недопустимо, когда совершено двухобъектное преступление, основным объект которого – определенные государственные или общественные отношения и интересы, обуславливающие принадлежность преступления к тому или иному виду преступных деяний, и лишь дополнительный объект – различные охраняемые уголовным законом интересы потерпевшего, в частности безопасность жизни или здоровья². Автор полагает, что в этом случае невозможно достичь примирения с субъектами публичных отношений, являющимися основным объектом уголовно-правовой охраны.

Поддерживая приведенные авторские позиции, необходимо отметить, что каждая из них совпадает с позицией Верховного Суда, высказанной в Постановлении «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», в котором говорится, что «...при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет...»³.

Резюмируя приведенные позиции, изложенные в доктринальных и официальных источниках толкования норм уголовного

¹ Сидоренко Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. № 3. С. 23.

² Гарбатович Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2014. № 2. С. 17.

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Август 2013 г. № 8. С. 32.

законодательства, в части допустимости освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, считаем, что такая возможность не имеет прямого запрета в ст. 76 УК РФ. Однако при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим необходимо учитывать, что лицо, совершившее преступление, помимо того, что примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, выполнило все необходимые действия по восстановлению всех нарушенных в результате преступления объектов, состоящих под уголовно-правовой охраной.

Но возмещение потерпевшему причиненного ущерба в рассматриваемых случаях не вернет в начальное состояние основной объект преступного посягательства. Например, при применении насилия в отношении представителя власти возмещение ущерба физическому лицу не заменит восстановления нарушенного авторитета государственной власти.

Далее стоит проанализировать проблему дифференциации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти. Как известно, уголовно-правовая норма об ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) не предусматривает каких-либо квалифицирующих признаков.

В доктринальных источниках по данному вопросу многие авторы пришли к единодушному мнению о необходимости закрепления в ст. 319 УК РФ соответствующего квалифицированного состава преступления. Так, А.Ю. Кизилов считает целесообразным «изменить редакцию ст. 319 УК РФ, дополнив ее содержание частью второй, где была бы предусмотрена ответственность за оскорбление представителя власти в условиях, обеспечивающих массовость восприятия такого оскорбления»¹.

А.Г. Брагина предлагает дополнить ст. 319 УК РФ ч. 2 следующего содержания: «2. Тоже деяние, совершенное в средствах

¹ Кизилов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 147.

массовой информации либо с применением инновационных технологий, – наказывается...»¹.

Между тем, на наш взгляд, представляется возможным не согласиться с предложением о дополнении ст. 319 УК РФ частью второй, содержащей квалифицирующие признаки, связанные с массовостью восприятия оскорбления представителя власти. Это связано с тем, что обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, является публичность оскорбления, то есть определенная «массовость» восприятия и так присутствует при наличии состава оскорбления представителя власти. А перепад в уровне общественной опасности оскорбления представителя власти, совершенного в присутствии двух посторонних граждан, по сравнению с аналогичным деянием, совершенным, например, в публичном выступлении либо в средствах массовой информации, очевидно, не столь значителен, как это требуется для дифференциации уголовной ответственности за исследуемое преступление².

Поэтому мы предлагаем санкцию уголовно-правовой нормы об ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) сформулировать следующим образом: «наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет».

Стоит заметить, что в теории уголовного права высказана точка зрения, согласно которой предлагается включить в УК РФ специальную уголовно-правовую норму об ответственности за клевету в отношении представителя власти, по аналогии ст. 298¹ УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава». Сторонники такой позиции утверждают, что клевета в отношении представителей власти является «инструментом

¹ Кизилев А.Ю. Указ. соч. С. 116.

² Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 182.

воздействия на интересы порядка управления»¹. «Ложь порождает недоверие не только к отдельным людям, но и к системе управления в целом...»².

Вместе с тем, по нашему мнению, подобная законодательная инициатива является дискуссионной. Весьма сомнительным представляется тезис о том, что указанным деянием нарушаются «интересы порядка управления». Кроме того, анализ материалов уголовных дел по фактам клеветы показал, что данное преступление крайне редко совершается в отношении представителей власти, тем более в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей.

В заключение необходимо отметить следующее:

1. Санкции ч. 1 ст. 318 и 319 УК РФ по содержанию наказаний и их размеру сконструированы по типу альтернативных (ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ) и относительно-определенных (ч. 2 ст. 319 УК РФ), поскольку они предусматривают несколько видов наказаний, назначаемых в качестве основных, а также содержат интервал между минимумом и максимумом в их размерах.

2. В целях унификации уголовного законодательства и соблюдения дифференцированного подхода к пенализации общественно опасных деяний считаем необходимым санкцию ч. 2 ст. 318 УК РФ привести в соответствие санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ, изложив ее в следующем виде: «...наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

3. Решая вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, необходимо учитывать, что лицо, совершившее преступление, помимо того, что примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, выполнило все необходимые действия по восстановлению всех нарушенных в результате преступления объектов, состоящих под уголовно-правовой охраной.

¹ Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 32.

² Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 129.

4. Поскольку обоснована целесообразность ужесточения санкции уголовно-правовой нормы об ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), предлагается изложить ее в следующей редакции: «...наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение монографического исследования о посягательстве на здоровье, честь и достоинство представителя власти необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти обусловлена, прежде всего:

– высоким уровнем общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и его оскорбления (ст. 319 УК РФ), выраженной в том, что данные деяния: а) подрывают авторитет государственной власти, ее статус в общественных отношениях, что снижает эффективность функционирования государственной власти, в том числе эффективность предупреждения различных правонарушений; б) посягают на личность представителя власти (конкретного человека, выступающего носителем государственной власти), его здоровье, честь или достоинство; в) взаимосвязаны с общеуголовными преступлениями или иными правонарушениями, которые, как правило, предшествуют фактам применения насилия в отношении представителя власти или его оскорбления;

– достаточной для криминализации степенью распространности фактов применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ);

– неэффективностью противодействия указанным деяниям не только иными правовыми средствами, но и посредством общих уголовно-правовых запретов на применение насилия, оскорбления;

– сложившейся исторической традицией уголовно-правового противодействия посягательствам на представителей власти.

2. Представителем власти является должностное лицо государственного правоохранительного или контролирующего органа, а также должностное лицо иного государственного органа, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в

служебной зависимости. При этом аргументирована целесообразность дополнения примечания к ст. 318 УК РФ указанием на принадлежность соответствующих органов к органам государственной власти.

3. Родовым объектом преступлений против здоровья, чести и достоинства представителей власти являются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением государственной власти в РФ.

4. Видовой объект преступлений, регламентированных ст. 318 и ст. 319 УК РФ, образуют общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления.

5. Обоснована двухобъектность применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), поскольку основной непосредственный объект этого преступления совпадает с видовым, а в качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, обеспечивающие здоровье и телесную неприкосновенность личности.

6. Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) предлагается рассматривать как преступление, причиняющее вред двум объектам уголовно-правовой охраны, где основной непосредственный объект также совпадает с видовым, а дополнительный непосредственный объект представлен общественными отношениями, обеспечивающими честь и достоинство представителя власти.

7. Декриминализация общей нормы, предусматривавшей уголовную ответственность за оскорбление (ст. 130 УК РФ), не исключила чести и достоинства личности из круга объектов уголовно-правовой охраны, сохранив данные правоохраняемые интересы в качестве составляющих видовой объект преступлений, помещенных в главу 17 УК РФ.

8. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких (ч. 1 ст. 318 УК РФ) подразумевает под собой:

- а) нанесение побоев;
- б) совершение иных насильственных действий (однократный удар, щипание, сечение, воздействие термическими, химиче-

скими и т.п. факторами, введение в организм сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, не представляющих опасности для жизни или здоровья), причиняющих физическую боль;

в) ограничение свободы, не представляющее опасности для жизни или здоровья.

9. Обязательным условием квалификации содеянного как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ), является отсутствие фактически причиненного вреда здоровью (легкого, средней тяжести или тяжкого). Вместе с тем истязание представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, хотя и не причинившее вред здоровью, не может рассматриваться в качестве насилия, не опасного для жизни или здоровья, ввиду его повышенной общественной опасности, достигающей уровня насилия, опасного для жизни или здоровья.

10. Под угрозой в ч. 1 ст. 318 УК РФ необходимо понимать разновидность психического насилия, состоящего в выражении вонне намерения причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Содержание данной угрозы может составлять любой вид физического насилия, включая убийство. Наличие оснований опасаться осуществления угрозы, или иначе реальность угрозы, не является обязательным признаком угрозы применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ), однако ответственность по указанной уголовно-правовой норме наступает лишь в случае причинения угрозой потерпевшему определенного психического вреда, например, в виде состояния опасения, устанавливаемого по совокупности объективных и субъективных данных.

11. Моментом окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, является момент применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. В случае совершения исследуемого преступления путем угрозы применения насилия его следует считать оконченным с момента доведения информации об угрозе до потерпевшего, вызвавшей у него состояние опасения, переживания.

12. Насилие в отношении представителя власти или его близких признается опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ) в случае, если:

- а) причинен вред здоровью (легкий, средний или тяжкий);
- б) при применении насилия вред здоровью не был причинен, однако, насилие представляло опасность для жизни или здоровья в момент его применения;
- в) деяние образует признаки истязания;
- г) потерпевший был ограничен в свободе, что создавало опасность для его жизни или здоровья вне зависимости от наступивших последствий.

13. При квалификации насилия в отношении представителя власти следует исходить не из сравнения санкций соответствующих статей УК РФ, а из фактического наличия или отсутствия совокупности преступлений и в случае отсутствия совокупности решать вопрос по правилам конкуренции общей и специальной норм.

14. Преступление, регламентированное ч. 2 ст. 318 УК РФ, окончено с момента совершения действий, причинивших вред здоровью или хотя бы создавших опасность для жизни или здоровья представителя власти (его близких) либо с момента истязания потерпевшего.

15. Субъектом применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) выступает физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Уголовно-правовая охрана здоровья представителей власти от общественно опасных действий лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет осуществляется посредством уголовно-правовых запретов на умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в связи с осуществлением данными лицами служебной деятельности (п. «а» ч. 2 ст. 111 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

16. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. Умысел при применении насилия, опасного и не опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких может быть только прямым. При этом угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких

(ч. 1 ст. 318 УК РФ) может быть совершена как с прямым, так и с косвенным умыслом.

17. Обязательным условием ответственности по ст. 318 УК РФ является установление мотива, связанного с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей.

18. Объективная сторона общественно опасного деяния, регламентированного ст. 319 УК РФ, состоит в публичном унижении чести и достоинства представителя власти. Альтернативным мотиву обязательным признаком данного преступления является время его совершения, которым признается время исполнения представителем власти своих должностных обязанностей.

19. Под унижением чести и достоинства следует понимать отрицательную оценку личности, сопровождающуюся негативной эмоциональной реакцией потерпевшего. Нами обоснована позиция, согласно которой для наличия состава преступления, регламентированного ст. 319 УК РФ, признак «неприличная форма» не является обязательным.

20. Публичность как признак оскорбления представителя власти подразумевает наличие при совершении данного преступления двух или более лиц, не являющихся представителями власти.

21. Моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, надлежит считать момент появления у представителя власти негативной эмоциональной реакции, которая возникает у него вследствие унижения чести и достоинства.

22. Субъект оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) общий – вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

23. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины. При этом умысел может быть как прямой, так и косвенный.

24. В случае публичного унижения чести и достоинства представителя власти не при исполнении им своих должностных обязанностей составообразующим признаком выступает мотив, связанный с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей.

25. При квалификации содеянного по ст. 318 и ст. 319 УК РФ следует разграничивать данные преступления с рядом сходных общественно опасных деяний, в частности с преступлениями, предусмотренными ст. ст. 296, 297, 317, 321 УК РФ. При этом различия между указанными преступлениями могут состоять как в отдельных признаках состава преступления, так и в группе признаков.

26. Сопротивление представителю власти, выразившееся в применении к нему насилия, вне зависимости от его опасности для жизни или здоровья, сопряженное с хулиганскими действиями виновного, надлежит квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 213 и соответствующей части ст. 318 УК РФ. Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) также не поглощается иными уголовно-правовыми нормами при наличии реальной совокупности преступлений.

27. Ввиду двухобъектности посягательств против здоровья, личной неприкосновенности, чести и достоинства представителя власти обоснована целесообразность применения положений ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» к лицам, совершившим преступления, регламентированные ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, лишь в исключительных случаях.

28. Санкции ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ по содержанию наказаний и их размеру сконструированы по типу альтернативных (ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ) и относительно определенных (ч. 2 ст. 319 УК РФ), поскольку они предусматривают несколько видов наказаний, назначаемых в качестве основных, а также содержат интервал между минимумом и максимумом в их размерах.

29. В целях унификации уголовного законодательства и соблюдения дифференцированного подхода к пенализации общественно опасных деяний считаем необходимым санкцию ч. 2 ст. 318 УК РФ привести в соответствие санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ, изложив ее в следующем виде: «...наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

30. Решая вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о

преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, необходимо учитывать, что лицо, совершившее преступление, помимо того что примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, выполнило все необходимые действия по восстановлению всех нарушенных в результате преступления объектов, состоящих под уголовно-правовой охраной.

31. Обоснована целесообразность ужесточения санкции уголовно-правовой нормы об ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), изложив ее в следующей редакции: «наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет».

32. Обоснована целесообразность изменения редакции ст. 318 УК РФ, которую предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 318. Угроза или насилие в отношении представителя власти

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, угроза применения насилия либо угроза уничтожением или повреждением имущества в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а равно совершение указанных действий в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей –

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, принудительными работами на срок до пяти лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, а равно совершение указанных действий в отношении близких представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Примечание. Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо государственного правоохранительного или контролирующего органа, а также должностное лицо иного государственного органа, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

33. Обоснована целесообразность изменения редакции ст. 319 УК РФ, которую предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 319. Оскорбление представителя власти

Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением –

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации : офиц. текст. – М., 2015.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143; № 33. – Ст. 3835.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с попр. ФЗ от 21 декабря 2013 г. №369-ФЗ) // СЗ РФ от 14 августа 1995 г. – № 33. – Ст. 3349.
5. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с попр. от 22 декабря 2014 г. №435-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 30 июля 1992 г. – № 30. – Ст. 1792.
6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (с попр. от 22 декабря 2014 г. №446-ФЗ) // СЗ РФ от 17 июля 1995 г. – № 29. – Ст. 2759.
7. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (с попр. от 30 марта 2015 г. № 58-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 марта 1998 г. – № 13. – Ст. 1475.
8. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с попр. от 8 марта 2015г. №23-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. – № 8. – Ст. 366.
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с попр. от 30 марта 2015 г. № 64-ФЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. – № 40. – Ст. 3822.

10. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (с попр. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июня 2003 г. – № 22. – Ст. 2063.

11. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004г. №79-ФЗ (с попр. от 31 декабря 2014 г. № 510-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2004 г. – № 31. – Ст. 3215.

12. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011г. №3-ФЗ (с попр. от 8 марта 2015г. № 23-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. – № 7. – Ст. 900.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. – № 50. – Ст. 7362.

14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. – № 48. – Ст. 6724.

15. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 августа 2007 г. – № 35. – Ст. 4308.

16. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008г. № 194н // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.

Судебная практика

17. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. ППВС РФ от 3 марта 2015 г. № 9 «О внесении

изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации») // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3. – С. 3–6.

18. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1.

19. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. ППВС РФ от 3 марта 2015 г. №9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации») // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.

20. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013 г. – № 8.

21. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 43-099-81 по делу Русских // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 7.

22. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 44-099-89 по делу Зубарева // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 7. – С. 14.

23. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 6. – С. 15.

24. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2006 г. № 11-Д05-103 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 2.

25. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 апреля 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 4. – С. 10–11.

26. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 11. – С. 9–10.

27. Определение Судебной коллегии по уголовным делам

Верховного Суда РФ от 20 марта 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 12. – С. 4–5.

28. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 апреля 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1967. – № 2. – С. 6.

29. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 275п2000пр по делу Кокорина // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 1. – С. 10.

30. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 86п2000 по делу Толкачева // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 9. – С. 8.

31. Архив Промышленного районного суда г. Ставрополя. Уголовное дело № 2-14/01.

32. Официальный сайт Промышленного районного суда г. Ставрополя // http://promyshlenny.stv.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=327 (дата обращения 26.03.2015 г.).

Монографии, учебные пособия, учебники, комментарии

33. Агузаров, Т.К. Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей : монография / Т.К. Агузаров. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 356 с.

34. Акоев, К.Л. Уголовное право России (Общая и Особенная части) : учебное пособие / К.Л. Акоев, Т.В. Пинкевич. – Ставрополь : Сервисшкола, 2000. – 205 с.

35. Антонов, И.М. Пенализация общественно опасных деяний / И.М. Антонов. – Хабаровск : Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2006. – 223 с.

36. Базаров, Р.А. Социально-криминологическая и уголовно-правовая характеристика общественно опасных насильственных деяний / Р.А. Базаров. – Челябинск, 1997. – 211 с.

37. Благов, Е.В. Квалификация при совершении преступления: Монография / Е.В. Благов - М. : Юрлитинформ, 2010. - 200 с.

38. Борзенков, Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие / Г.Н. Борзенков. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2006. – 144 с.

39. Босхолов, С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С.С. Босхолов. – 2-е изд., перераб. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. – 311 с.
40. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин - М. : Юрид. лит., 1967. - 240 с.
41. Быкова, И.Е. Специфика преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой аспект: монография / И.Е. Быкова. – Тамбов : ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 280 с.
42. Бытко, Ю.И. Преступления против порядка управления / Ю.И. Бытко. – Саратов, 1999. – 96 с.
43. Васильевский, А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве / А.В. Васильевский, Л.Л. Кругликов.– СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
44. Ветров, Н.И. Преступления против порядка управления, посягающие на нормальную деятельность органов внутренних дел / Н.И. Ветров. – М.:Ось, 1989. – 105 с.
45. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика / Л.Д. Гаухман. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2010. – 559 с.
46. Гаухман, Л.Д. Насилие как средство совершения преступления / Л.Д. Гаухман. – М.: Юрид. лит-ра, 1974. – 167 с.
47. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – С.Пб. : Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.
48. Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов; науч. ред. Г.Ф. Горский.– Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
49. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – М. : Рус. яз., 2002. –1020 с.
50. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – М.: Изд-во АСТ, Изд-во Астрель, 2004. Т. 2. –1114 с.
51. Джинджолия, Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности: монография / Р.С. Джинджолия; под ред. проф. А.А. Магомедова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 271 с.

52. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика / И.Э. Звечаровский.– СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 100 с.

53. Зубкова, В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России / В.И. Зубкова. – М. : Норма, 2005. – 256с.

54. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика : учебное пособие / Н.Г. Кадников.– М.: Норма, 2003. – 144 с.

55. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит-ра, 1973. – 287 с.

56. Келина, С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1988. – 176 с.

57. Козаченко, И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды / И.Я. Козаченко; под ред. М.И. Ковалева.– Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 232 с.

58. Козлов, А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификация и измерения / А.П. Козлов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 171 с.

59. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С.В. Бородин, О.Л. Дубовик, С.Г. Келина, Г.А. Кригер и др.; под ред. А.В. Наумова (вступ. ст.).– М. : Юристъ, 1996. – 824 с.

60. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский.– М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.

61. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / А.В. Корнеева; отв. ред. А.И. Рарог. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2014. – 160 с.

62. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика. Проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев.– Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.

63. Коростылев, О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы : монография / О.И. Коростылев. – Ставрополь : СФ КА МВД России, 2005. – 164 с.

64. Красиков, А.Н. Преступления против личности : учеб-

ное пособие / А.Н. Красиков.– Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 232 с.

65. Крашенинников, А. А. Угроза в уголовном праве России: проблемы теории и практики правового регулирования / А. А. Крашенинников; отв. ред. А.И. Чучаев; Министерство образования РФ, Ульяновский гос. ун-т. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2002. – 179 с.

66. Кругликов, Л.Л. Преступления против личности : текст лекций / Л.Л. Кругликов. – Ярославль: ЯрГУ, 1998. – 119 с.

67. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев.– М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.

68. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М. : ИД «Городец», 2007. – 183 с.

69. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М. : Спарк, 2001. – 767 с.

70. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности / Т.А. Лесниевски-Костарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2000. – 400 с.

71. Ляпунов, Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учебное пособие / Ю.И. Ляпунов. – М. : Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.

72. Мамайчук, И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике : учебное пособие / И.И. Мамайчук. – СПб. : Речь, 2002. – 255 с.

73. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении: монография / А.И. Марцев. – Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2000. – 136 с.

74. Налеев, М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации / М.Т. Налеев. – Томск: Изд-во НТЛ, 2006. – 122 с.

75. Неклюдов, П.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права: преступления и проступки против личности. Т. 1 / Н.А. Неклюдов. – СПб. : Тип. П.П. Меркульева, 1876. – 555 с.

76. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М. : Норма, 2001. – 208 с.

77. Ной, И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве / И.С. Ной. – Саратов, 1959.

78. Нуркаева, Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики / Т.Н. Нуркаева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 254 с.

79. Ображиев, К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России / К.В. Ображиев. – Ставрополь : Сервисшкола, 2002. – 144 с.

80. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит-ра, 1972. – 352 с.

81. Павлов, В.Г. Субъект преступления / В.Г. Павлов - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. - 318 с.

82. Панов, Н.И. Квалификация насильственных преступлений / Н.И. Панов. – Харьков, 1986.

83. Панов, Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н.И. Панов. – Харьков, 1982. – 161 с.

84. Павлухин А.Н. Механизм и формы реализации норм уголовного права : монография / А.Н. Павлухин, Т.А. Сулейманов, Н.Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 298 с.

85. Пинкевич, Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : монография / Т.В. Пинкевич. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. - 286 с.

86. Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т.1. Преступление и наказание. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 680 с.

87. Полный курс уголовного права: преступление и наказание. В 5 т. Т. 1 / под ред. А.И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.

88. Преступления против порядка управления: учебное пособие / Л.И. Блинова, А.Д. Горбуза, П.Ф. Гришанин, В.Д. Иванов и др.; редкол.: В.А. Владимиров, П.Ф. Гришанин, В.Ф. Кириченко

(гл. ред.), Ю.И. Ляпунов, М.И. Якубович.– М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. – 67 с.

89. Преступления против правосудия / под ред. канд.юрид. наук А.В. Галаховой. – М. : Норма, 2005. – 568 с.

90. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие / А.И. Рарог. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.- 227 с.

91. Российская правовая политика: курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Матузова и д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. – М.: Норма, 2003. – 528 с.

92. Сабитов, Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний : учебное пособие / Р.А. Сабитов. – М.: Изд. МГУ, 2003. – 144 с.

93. Савельева, В.С. Основы квалификации преступлений : учебное пособие / В.С. Савельева. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 161 с.

94. Саруханян, А.Р. Преступления против порядка управления / А.Р. Саруханян. – Ставрополь: СКГИ, РЮИ РПА МЮ РФ, 2003. – 158 с.

95. Сердюк, Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Л.В. Сердюк; под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.П. Щербы. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2002. – 384 с.

96. Сирик, М.С. Уголовно-правовое и криминологическое значение потерпевшего от преступления : учебное пособие / М.С. Сирик; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.И. Улезько. – Армавир: СКИБИИТ, 2006. – 169 с.

97. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997. 580 с.

98. Служебные преступления / Б.В. Волженкин.– М.: Юристъ, 2000. – 368 с.

99. Советское уголовное право. Общая часть / М.А. Гельфер, А.А. Герцензон, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский; под общ. ред. В.М. Чхиквадзе.– М. : Госюриздат, 1959. – 464 с.

100. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. – М. : Илекса, 2007. – 1040 с.

101. Старков, О.В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О.В. Старков, С.Ф. Милюков. – СПб., 2001.

102. Сташис, В.В. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике / В.В. Сташис. – Харьков, 1987.

103. Сулейманов, Т.А. Механизм и формы реализации норм уголовного права : монография / Т.А. Сулейманов, А.Н. Павлухин, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007.

104. Таций, В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / В.Я. Таций – Харьков : Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988. - 198 с.

105. Уголовное право России. Практический курс : учебник / (Адельханян Р.А., Аминов Д.И., Боков А.В. и др.); под общ. ред. Р.А. Адельханяна; Под науч. ред. А.В. Наумова. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 752 с.

106. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – М., 1999. – С. 721.

107. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М. : Юрид. лит-ра, 1967. – 240 с.

108. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / М.П. Журавлев (и др.); под ред. А.И. Рарога. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 942 с.

109. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник / под ред. А.И. Чучаева. – М. : "КОНТРАКТ", "ИНФРА-М", 2013. – 704 с.

110. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под ред. д.ю.н. М.П. Журавлева и к.ю.н. С.И. Никулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 824 с.

111. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий; Под ред., с предисл.: А.А. Жижиленко. - 7-е изд., доп. и пересмотр. - Петроград: Юрид. о-во при Петрогр. ун-те, 1916. - 446 с.

112. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. - 298 с.

113. Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья. / М.Д. Шаргородский. / Всесоюзный институт юриди-

ческих наук Минюста СССР. - М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947 – 312 с.

114. Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : учебное пособие. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2007. – 162 с.

115. Яцеленко, Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования : монография / Б.В. Яцеленко. - М.: Изд-во МЮИ МВД России, 1996. – 226 с.

Статьи

116. Агильдин, В.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления / В.В. Агильдин // Российский следователь. – 2010. – №1. – С. 33-36.

117. Антонов, Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти / Ю. Антонов // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 10-13

118. Басова, Т. Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» / Т. Басова // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 8-10.

119. Безверхов, А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения / А. Безверхов // Уголовное право. – 2014. – №4. – С. 39-41.

120. Богомолов, Д.П. Уголовно-правовые меры охраны здоровья представителей общественности, в организованном порядке привлекаемых к деятельности по обеспечению правопорядка (ст. 318 УК РФ) / Д.П. Богомолов, М.Л. Прохорова. // Российский следователь. – 2010. – № 9. – С. 39-41.

121. Борисихина, С.А. Насильственные посягательства на работников правоохранительных органов: проблемы квалификации (обзор практики) / С.А. Борисихина // Следователь. – 2003. – № 9. – С. 2-5.

122. Буш, В. Некоторые особенности уголовно-правовой регламентации наказания в виде принудительных работ / В. Буш // Сборник материалов круглого стола: «Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне», посвященного 10-летию образования филиала ФГКУ

«ВНИИ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу (г. Ставрополь, 28 июня 2013 года). – Ставрополь. – 2013. – С. 28-31.

123. Гарбатович, Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2014. – №2. – С. 31-36.

124. Гарбатович, Д.А. Стандартные ошибки при квалификации преступлений против порядка управления / Д.А. Гарбатович // Российский следователь. – 2012. – № 20. – С. 16-19.

125. Гертель, Е. Оскорбление и клевета, как виды психического насилия / Е. Гертель // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 30-33.

126. Голик, Ю. Очередная модернизация уголовного кодекса / Ю. Голик // Уголовное право. – 2012. – №2. – С. 29-34.

127. Дементьев, О.М. Проблема уголовной ответственности за оскорбление в РФ / О.М. Дементьев, М.Н. Кочеткова, А.Н. Шилкина // Вопросы современной науки и практики: материалы II научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» 24-26 октября 2012 г., Тамбов. – Вып. 44. – Тамбов. – 2013. – С. 27-31.

128. Елифанов Б.В. Принцип справедливости и проблемы ответственности за оскорбление / Б.В. Елифанов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (15 марта 2013 г.). В 2 ч. - Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, – 2013. – С. 116-119

129. Жданов, Ю.А. Уголовно-правовая попытка защиты личности от психического насилия / Ю.А. Жданов // Российский следователь. – 2014. – №1. – С. 19-21.

130. Иванцова, Н.В. Принудительные работы - альтернативный или самостоятельный вид наказания: пути поиска правильного подхода / Н.В. Иванцова, К.Ю. Калачян. // Российская юстиция. – 2012. – № 8. – С. 58-61.

131. Исаев, Н.А. Сравнительно-правовой аспект преступлений против чести и достоинства представителя власти / Н.А. Исаев,

В.М. Мамакина // Вестник Орловского государственного университета. – 2008. – № 4. – Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та – С. 68-71.

132. Каиржанов Е.И. Объект преступления и проблема систематизации норм уголовного законодательства / Е.И. Каиржанов // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 167-171.

133. Калмыкова, М.А. Пенализация преступлений, связанных с применением оружия / М.А. Калмыкова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5 (16). – С. 34-40.

134. Киселев, С.С. Некоторые вопросы определения объективных признаков оскорбления представителя власти / С.С. Киселев // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. (Вып. 19) – Омск, : Омск. акад. МВД России. – 2012. – С. 75-82.

135. Кисиев, С.М. Понятие представителей власти в уголовном праве. / С.М. Кисиев // Сборник научных трудов. - Ставрополь, СФ КрУ МВД России. – 2007. – Вып. 5. – С. 121-124.

136. Кисиев, С.М. Объективная сторона оскорбления представителя власти (ст. 318 УК РФ) / С.М. Кисиев // Проблемы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 253-256.

137. Кравцова, О. В. Представитель власти как потерпевший от преступления / О. В. Кравцова, И. В. Блинова-Сычкарь, С. А. Дмитриенко // Молодой ученый. – 2014. – №2. – С. 584-587.

138. Кругликов, Л.Л. О законодательных пределах назначения наказания / Л.Л. Крутиков, Е.В. Благов // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав гражданина в сфере борьбы с преступностью : сб. науч. статей. – Ярославль, 1984. – С. 99-110.

139. Кругликов, Л.Л. Тип санкций в действующем уголовном законодательстве (закономерности и тенденции применения) / Л.Л. Кругликов // Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1988. – С. 14-22

140. Кулешов, Ю. Проблемы оптимизации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия / Ю. Кулешов // Юридический мир. – 2014. – №8 – С. 36.

141. Лопашенко, Н.А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы / Н.А. Лопашенко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 6-23.

142. Майорова, Е.И. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе / Е.И. Майорова // Российский следователь. – 2014. – № 1. – С. 31-34.

143. Мамакина, В.М. Уголовно-правовая регламентация ответственности за унижение чести и достоинства представителя судебной власти / В.М. Мамакина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Вып. 2 (73) – Тольятти, : ВУиТ. – 2010. – С. 21-24.

144. Мамакина, В.М. Уголовно-правовая регламентация ответственности за публичное оскорбление представителя власти по уголовному законодательству РФ и зарубежных стран / В.М. Мамакина // Актуальные проблемы модернизации российского уголовного законодательства и практики его применения: материалы III Международной научно-практической конференции (26-27 сентября 2013 г.). – Ярославль, 2013 – С. 209-118

145. Никитина, Е. Необходимо установить уголовную ответственность за поставление имущества в опасность / Е. Никитина // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 36-37.

146. Рарог, А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой / А. Рарог. // Уголовное право. – №5 – 2014 – С. 28-31.

147. Расторопов, С.В. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива / С.В. Расторопов // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 37-40

148. Сафронов, А.Д. Защита сотрудников милиции при выполнении ими должностных обязанностей по УК РФ / А.Д. Сафронов, И.И. Шубина // Государство и право. – 1998. – № 1. – С. 59-60.

149. Семенюк, Р.А. Криминологический анализ преступлений, связанных с применением насилия в отношении представителя власти / Р.А. Семенюк // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: материалы международной научно-практической конференции (г. Тюмень, 10 апреля 2013 г.) -

Тюмень: Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. – С. 57-60.

150. Сидоренко, Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Э. Сидоренко // Уголовное право. – 2011. – №3. – С. 21-24.

151. Станских, С.Н. Федеральные органы государственной власти с особым статусом в системе разделения властей / С.Н. Станских // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 1. – С. 29-34.

152. Сулейманова, И.Е. Особенности квалификации оскорбления представителя власти / И.Е. Сулейманова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 2 (64) – Уфа: Изд-во Уфим. юрид. ин-та МВД России. – 2014. – С. 29-33

153. Таможник, Е.Л. Система преступлений против лиц, осуществляющих порядок управления / Е.Л. Таможник // Законность. – 2006. – № 3. – С. 31-32.

154. Тер-Акопов, А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека / А.А. Тер-Акопов // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 88-97.

155. Шарапов, Р.Д. Психический вред в уголовном праве / Р.Д. Шарапов // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 79-80.

156. Шматова, Е.С. Декриминализация оскорбления: правовой анализ / Е.С. Шматова // Российский следователь. – 2013. – №15 – С. 28 – 29.

Диссертации

157. Брагина, А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Брагина. – Красноярск, 2006.– 236 с.

158. Вениаминов, В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Г. Вениаминов. – Саратов, 2005. – 184с.

159. Грибунов, О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.П. Грибунов.– СПб., 2003.– 224 с.

160. Кабанов, П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / П.Н. Кабанов. – М., 2006.– 172 с.

161. Кибальник, А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Кибальник. – М., 2003.– 427 с.

162. Кизиллов, А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Ю. Кизиллов. – Ульяновск, 2002. – 204 с.

163. Левертова, Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук/ Р.А. Левертова. – Хабаровск, 1972. – 139 с.

164. Левин, П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / П.Н. Левин. – М., 2006. – 151 с.

165. Матросова, М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Е. Матросова. – М., 1997. – 211 с.

166. Моховой, М.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Б. Моховой.– Краснодар, 2004. – 230 с.

167. Сулайманов, М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. / М.Х. Сулайманов. – Ташкент, 1984. – 206 с.

168. Таможник, Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Л. Таможник.– Тамбов, 2006.– 296 с.

169. Ткаченко, В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.С. Ткаченко. – М., 1998. – 219 с.

170. Тулин, С.Н. Осуществление лицом служебной деятельности и выполнение общественного долга как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Тулин. – М., 1998. – 157 с.

171. Шарапов, Р.Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Р.Д. Шарапов.– Екатеринбург, 2006. – 418 с.

172. Яковлева, С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Яковлева. – Ульяновск, 2003. – 185 с.

Авторефераты диссертаций

173. Ганжа, Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Ганжа Ю.В.– Краснодар, 2007. – 27 с.

174. Костров, Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.К. Костров. – М., 1970. – 42 с.

175. Розикзода, А.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей: опыт России и Республики Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Розикзода А.А.– СПб., 2011. – 23 с.

176. Рудый, Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Рудый Н.К. – М., 2009. – С. 54.

177. Сердюк, Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Сердюк Л.В. – М., 1979. – 31 с.

178. Третьяков, К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. / Третьяков К.В. – Самара, 2009. – 28 с.

179. Хабарова, М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Хабарова М.В. – Краснодар, 2006. – 29 с.

180. Цанава, М.А. Уголовная ответственность за преступле-

ния против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Цанова М.А. – М., 1990. – 23 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов и судей по вопросам применения уголовно-правовых норм об ответственности за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ)¹

№ п/п	Вопрос	Вариант ответа	Распределение ответов
1	Считаете ли Вы необходимым изменение примечания к ст. 318 УК РФ, регламентирующего понятие представителя власти?	а) да, считаю необходимым дополнить примечание указанием на принадлежность лица к соответствующим государственным органам б) да, полагаю, что понятие представителя власти должно содержать перечень органов, сотрудники которых являются представителями власти в) нет, не считаю г) затрудняюсь ответить	69 % 24 % 2 % 5 %
2	Согласны ли Вы с тем, что родовым объектом преступлений против здоровья, чести и достоинства представителей власти являются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением государственной власти в РФ?	а) да, согласен (согласна) б) нет, не согласен (не согласна) в) затрудняюсь ответить	62 % 17 % 21 %
3	Согласны ли Вы с тем, что видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 318 и ст. 319 УК РФ выступают общественные	а) да, согласен (согласна) б) нет, не согласен (не согласна) в) затрудняюсь ответить	68 % 7 % 15 %

¹ В приложении не приводятся иные результаты, которые были получены при анкетировании сотрудников правоохранительных органов, в частности, данные об их возрасте, образовательном уровне, месте жительства, профессиональном стаже, занимаемой должности и т.д.

	отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления?		
4	Что является основным непосредственным объектом преступлений против здоровья, чести и достоинства представителей власти (ст. ст. 318, 319 УК РФ)?	а) здоровье, честь и достоинство представителей власти б) основной непосредственный объект данных преступлений совпадает с видовым объектом в) иное г) затрудняюсь ответить	20 % 72 % 5 % 3 %
5	Дополнительный непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 318 и ст. 319 УК РФ образуют...	а) данные преступления не посягают на какой-либо дополнительный объект б) общественные отношения, возникающие по поводу реализации установленного законодательством РФ порядка управления в) общественные отношения, обеспечивающие здоровье, честь и достоинство личности г) иное д) затрудняюсь ответить	9 % 14 % 61 % 5 % 1 %
6	Как следует квалифицировать истязание, совершенное в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей?	а) как насилие, не опасное для жизни или здоровья б) как насилие, опасное для жизни или здоровья в) иное г) затрудняюсь ответить	18 % 52 % 4 % 1 %
7	Может ли, по Вашему мнению, однократный удар, нанесенный представителю власти, быть квалифицирован как насилие, опасное для жизни или здоровья?	а) да, может б) нет, не может в) затрудняюсь ответить	75 % 23 % 2 %

8	Как должен быть квалифицирован тяжкий вред здоровью, причиненный представителю власти?	а) только по ч. 2 ст. 318 УК РФ	26 %
		б) по совокупности ч. 2 ст. 318 и ст. 111 УК РФ	68 %
		в) только по ст. 111 УК РФ	4 %
		г) затрудняюсь ответить	2 %
9	Считаете ли Вы возможным определить угрозу в уголовном праве как разновидность психического насилия, состоящего в выражении вовне намерения причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям?	а) да, считаю возможным б) нет, не считаю возможным в) затрудняюсь ответить	59 % 23 % 18 %
10	Для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 318 УК РФ по признаку угрозы насилием требуется...	а) наличие у потерпевшего оснований опасаться осуществления угрозы	31 %
		б) наличие у виновного оружия или предметов, используемых в качестве оружия	10 %
		в) достаточно выразить угрозу вовне каким-либо способом	57 %
		г) иное	–
		д) затрудняюсь ответить	2 %
11	Согласны ли Вы с тем, что унижение чести и достоинства представляет собой отрицательную оценку личности, сопровождающуюся негативной эмоциональной реакцией потерпевшего?	а) нет, не согласен (не согласна) б) да, согласен (согласна) в) затрудняюсь ответить	24 % 68 % 8 %
12	Публичность как признак оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) предполагает ...	а) наличие хотя бы одного человека при совершении преступления	2 %
		б) наличие хотя бы одного человека, не являющегося представителем власти	5 %
		в) наличие при совершении преступления не менее двух	12 %

		<p>человек</p> <p>г) наличие при совершении данного преступления двух или более лиц, не являющихся представителями власти</p> <p>д) совершение данного деяния в общественном месте вне зависимости от наличия там людей в момент совершения преступления</p> <p>е) иное</p> <p>ж) затрудняюсь ответить</p>	<p>55 %</p> <p>17 %</p> <p>3 %</p> <p>6 %</p>
13	Является ли неприличная форма оскорбления обязательным условием квалификации по ст. 319 УК РФ?	<p>а) да, является</p> <p>б) нет, не является</p> <p>в) затрудняюсь ответить</p>	<p>34 %</p> <p>60 %</p> <p>6 %</p>
14	Каким образом характеризуется субъективная сторона оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ)?	<p>а) данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом</p> <p>б) данное преступление может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом</p> <p>в) данное преступление может быть совершено с любой формой вины</p> <p>г) затрудняюсь ответить</p>	<p>28 %</p> <p>65 %</p> <p>5 %</p> <p>2 %</p>
15	Преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ именуется «Применение насилия в отношении представителя власти», однако ответственность в этой уголовно-правовой норме, помимо насилия, установлена еще и за угрозу насилием. Как Вы оцениваете подобное положение вещей?	<p>а) название статьи вполне адекватно, поскольку угроза – это тоже своего рода насилие</p> <p>б) несмотря на то, что угроза по смыслу уголовного закона не подпадает под категорию «насилие», указанное наименование представляется вполне приемлемым</p> <p>в) считаю целесообразным отобразить в названии ст. 318 УК РФ указание на предусмотренность ею не только ответственности за насилие, но и за угрозу насилием</p> <p>г) затрудняюсь ответить</p>	<p>14 %</p> <p>21 %</p> <p>64 %</p> <p>1 %</p>

16	Поддерживаете ли Вы предложение о криминализации в рамках состава ст. 319 УК РФ угрозы уничтожением или повреждением имущества?	а) да, поддерживаю б) нет, не поддерживаю в) затрудняюсь ответить	65 % 19 % 16 %
17	Считаете ли Вы необходимой санкцию ч. 2 ст. 318 УК РФ привести в соответствие санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ, изложив ее в следующем виде: «...наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет»?	а) санкции должны быть равными б) санкция в ч. 4 ст. 296 УК РФ должна быть существенно выше санкции в ч. 2 ст. 318 УК РФ в) санкция в ч. 2 ст. 319 УК РФ должна быть аналогичной санкции в ч. 4 ст. 296 УК РФ г) затрудняюсь ответить	11 % 9 % 70 % 10 %
18	Считаете ли Вы целесообразным квалифицировать сопротивление представителю власти, выразившееся в применении к нему насилия, сопряженного с хулиганскими действиями, по совокупности ч. 2 ст. 213 и соответствующей части ст. 318 УК РФ?	а) да, считаю такую квалификацию верной б) нет, так не считаю в) затрудняюсь ответить	64 % 21 % 15 %
19	Согласитесь ли Вы с тем, что при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, следует учитывать, что лицо, совершившее преступление, помимо того что примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, выполнило все необ-	а) да, соглашусь б) нет, не соглашусь в) затрудняюсь ответить	65 % 28 % 7 %

	ходимые действия по восстановлению всех нарушенных в результате преступления объектов, состоящих под уголовно-правовой охраной?		
--	---	--	--

Научное издание

Смоляков Евгений Викторович
Сапронов Юрий Викторович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ЗДОРОВЬЕ,
ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ**

Монография

Подписано в печать 15.07.2016 г. Формат 60 X 84 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура "Times". Печать ризография.
Усл. п. л. 7,2. Тираж 50 экз. Заказ № 505.

Отпечатано в типографии Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России.
355000, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 43.